

ГОРЬКИЙ — А. П. ЧАПЫГИН

Заочное знакомство Алексея Павловича *Чапыгина* (1870—1937) с Горьким состоялось в феврале 1910 г., когда Чапыгин, до этого печатавшийся в периодических изданиях, задумал выпустить отдельную книгу рассказов и обратился к Горькому за советом. Горький счел издание книги преждевременным, но предложил Чапыгину участвовать в сборниках «Знания». В «Знании», однако, Чапыгин не печатался. Переписка не прерывалась до возвращения Горького в Россию.

С 1915 г. Чапыгин активно сотрудничал с Горьким в ряде изданий. Горький печатает в «Летописи» охотничьи рассказы Чапыгина, привлекает его к редактированию произведений начинающих рабочих писателей. Впоследствии Чапыгин писал: «Я помню, как он меня позвал редактировать с ним 2-й пролетарский сборник, издание „Паруса“, как он делал указания о целом ворохе писаний, присланных из далекой провинции... Я не знал писателя, — а знал я их много, — кто бы так внимательно, по-дружески и товарищески относился к начинающему писателю» (А. П. Чапыгин. Беседы с М. Горьким. «О Горьком — современники». Сб. воспоминаний и статей, стр. 21—22). В 1917 г. выходит «Второй сборник пролетарских писателей» под редакцией Горького, Чапыгина и А. Сереброва (А. Тихонова). В начале 1918 г. Горький предложил Чапыгину собрать книгу поговорок «Как говорит русский народ о себе — о мире, о труде, о лени, о пьянстве, о любви и о дружбе». Сборник, подготовленный Чапыгиным, не был издан.

По совету Горького Чапыгин берется за написание сцен из истории древней Руси. В 1919 г. он написал пьесу о князе Олеге Святославиче — «Гориславич», которую посвятил Горькому (см. письмо 6 и прим. к нему).

После отъезда Горького за границу его переписка с Чапыгиным возобновилась. Горький с глубоким сочувствием следит за творчеством Чапыгина и чрезвычайно высоко оценивает его роман «Разин Степан». В письме к Пришвину он пишет о Чапыгине как о художнике, творящем первый русский действительно исторический роман, обнаруживая изумительное проникновение в дух и плоть эпохи, изображаемой им» (т. 29, с. 478).

В ряде статей и воспоминаний Чапыгин рассказал о своих встречах с Горьким и о той важной роли, которую сыграл Горький в его художественном развитии:

«Беседы с М. Горьким». — В кн. «О Горьком — современники». М., 1928.

«По тропам и дорогам». М. — Л., ГИХЛ, 1931, стр. 292—307.

«Памяти великого учителя». — «Литературный современник», 1936, № 8.

«Воспоминания о А. М. Горьком». «Всесоюзная здравница» (Ялта), 1936, № 10, от 20 сентября. «Человек большого сердца». — «Известия», 1937, № 142, от 18 июня.

«Воспоминания о Горьком». — «Красная звезда», 1937, № 138, от 18 июня.

«Из воспоминаний об А. М. Горьком». — Альманах «Год XXI». М., 1938.

«Великий и мудрый. Из воспоминаний». — «Лит. газета», 1938, № 17, от 26 марта.

Восемь писем Горького к Чапыгину — от 9 июля 1925 г., 17 июня 1926 г., 15 января 1927 г., 20 мая 1927 г., 4 июля 1930 г., 19 мая 1934 г., 10 октября 1934 г., 13 февраля 1935 г. — опубликованы в Собр. соч. (т. 29 — письма №№ 793, 828, т. 30 — письма №№ 845, 860, 990, 1118, 1135, 1152).

Ниже публикуются девять писем Горького к Чапыгину и двадцать четыре письма Чапыгина к Горькому.

1

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

<Петербург. 6 февраля 1910 г.>

Алексей Максимович!

Я давно собирался обратиться к вам — мне приходилось и приходится так много встречать людей, знакомых с вами, известно также ваше милое отношение к начинающим писателям, что беру смелость прямо, как говорится, «здорово живешь», послать вам свои работы¹ и попросить написать мне о них свое мнение.

Сам я мастеровой, — приехав в город 13 лет, поступил в ученье писать вывески на 5 лет. Случайно сошелся с учениками Академии художеств², которые видели во мне живописный талант: отсюда мысль моя получила первый толчок в сторону беллетристики. Один из них³ оказался любящим литературу и пишущим стихи. Я медлил знакомиться с вами, когда вы жили в России. Мало было сделано, да и теперь я пишу, как видите, вещицы, а не вещи с широким размахом, и до сих пор не научился широко изображать жизнь, кроме того, мало пишу — вероятно, шаблонная работа, хотя и дала мне краски и знание быта русских мастеровых, все-таки наложила печать уныния и робости на мою душу.

Еще раз извиняюсь, что беспокою, но крайне буду обрадован вашим ответом и отзывом.

Мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Большая Гребецкая ул., д. 19, кв. 4. Алексею Павловичу Чапыгину

6.II.910.

¹ По свидетельству Чапыгина, он послал Горькому отписки своих рассказов, напечатанных в периодических изданиях (см. А. Чапыгин. «По тропам и дорогам», М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 262). См. также письмо 2, прим. 4.

² Чапыгин дружил с учениками Академии художеств А. Г. Долнером, К. Ф. Словецким, В. Н. Хлебниковым.

³ В. Н. Хлебников.

2

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

<Капри. Вторая половина февраля 1910 г.>

Уважаемый Алексей Павлович!

Все присланные вами рассказы¹ своевременно были прочитаны мною; теперь я прочитал их еще раз и — не без приятного чувства удовлетворения.

Вы спрашиваете, каково мое мнение о ценности ваших рассказов? Охотно отвечаю, но — очень прошу понять мой ответ не как поучение литератора, а просто — как впечатление внимательного читателя, который любит литературу.

К достоинствам вашим — как мне кажется — следует отнести ваше знание материала, умение наблюдать и — верное отношение к людям: отношение правдивого свидетеля их жизни, а не судьи и не учителя их. Дорогой мой — это правильная позиция, это вернейшая тропа, именно она приводит к правде и — только она!

И только ею идя, — доходят до создания таких общечеловеческих книг, каковы «М-те Бовари», «Анна Каренина» и т. д.

Стойте твердо на этой точке зрения, учитесь видеть всю многогранность каждого явления жизни, приобщайтесь прекрасной работе общечеловеческой мысли — дело пойдет хорошо!

Дам еще добрый совет: избегайте влияния людей догматических и тенденциозных, не всегда верьте, что $2 \times 2 = 4$, кто бы вас в этом ни убеждал. Пусть говорят вам: вы, Чапыгин, со временем умрете! Отвечайте этим чудакам — не уверен, может быть, подумаю! И, присматриваясь к блеску жизни, ко всем ее огням, правдиво, кратко и просто — просто! —

А. П. ЧАПЫГИН

Фотография с дарственной надписью Горькому:
«Дорогому Алексею Максимовичу на добрую память.
А. Чапыгин. 7—XI. 26»

Архив Горького, Москва

рассказывайте людям о том, как они живут. Те из них, которые поумнее, почестнее, немедленно примут ваши показания к сердцу, — в это, думаю, можно верить!

Внимательно слушайте все доводы — как и всё, исходящее от человека, — они и интересны, и значительны, но — главное: доводы! Умозаключения — часто очень искусны, но почти всегда искусственны — научные умозаключения в стороне, они устойчивее и надежнее, ибо в них всегда

больше общечеловеческого, чем в догматах морали, религии, права и других дисциплин, имеющих целью воспитать ваш ум и чувства так, как выгоднее для людей пассивных, равнодушных к общечеловеческому и ничего не понимающих, кроме личного уюта. Для них все существует постольку, поскольку не мешает им, и всякий честно работающий человек — враг их.

Ваши недостатки: однообразие тем, неровность и часто небрежность языка, — обратите внимание на отчеркнутые в оттисках места. У вас мало слов — читайте наших знатоков языка: Лескова, Аксакова, заглядывайте в словарь Даля, учитесь форме у Короленко, Чехова, Тургенева и — Пушкина. Надо знать историю тех людей, о которых рассказываете: Ключевский интересно освещает историю народа, но — Соловьев еще интереснее рассказал ее, и вы его почитайте ².

Почитайте также фольклористов: в первую голову Афанасьева ³, и не верьте, если вам скажут, что он устарел.

Рассказики, помещенные в «Шиповнике» ⁴, хуже других по исполнению, но — богаче языком. Мне почудилось в них, так сказать, некоторое влияние фирмы: торгуют люди страхами и ужасами, вы им и предложили немножко ходового товарцу. Извините, если ошибаюсь! Но — все-таки — на этой струнке играть не стоит: жизнь всегда страшнее самых ужасных рассказов, я кое-что знаю в этом деле.

В заключение скажу: не верьте в «чистое» искусство. Есть искусство честное и есть — нечестное, чистое же искусство есть наиболее тенденциозное, ибо оно всегда упорно и всегда безуспешно стремится доказать независимость человека от впечатлений бытия, в поте лица уверяет читателя в своей свободе, а там, где уверяют, — насилуют.

Засим — желаю вам всего доброго и — будет хорошо для вас, если вы однажды почувствуете, что пост литератора в России — пост трудный и требующий от человека строжайшего отношения к себе самому, — прежде всего.

Жму руку.

А. Пешков

Рукописи при сем возвращаю.

Датируется на основании письма 3.

В автобиографической повести «По тропам и дорогам» Чапыгин воспроизвел по памяти это письмо Горького («Земля советская», 1930, № 10—11, стр. 91). Опубликованный Чапыгиным текст был перепечатан сначала в кн.: «М. Горький. Письма к рабочим и писателям». Библиотека «Огонек», № 55—56. М., 1936, а затем в т. 29 (№ 475). Как явствует из публикуемого здесь подлинного письма Горького, Чапыгин в своих воспоминаниях дал лишь сокращенный и неточный пересказ письма.

¹ См. письмо 1, прим. 1.

² Горький имеет в виду «Курс русской истории» (чч. I—V) В. О. Ключевского (1841—1911) и многотомную «Историю России с древнейших времен» (тт. I—XXIX) С. М. Соловьева (1820—1879).

Насыщенная огромным количеством документальных данных, «История» Соловьева является одним из наиболее выдающихся достижений русской буржуазной историографии.

³ Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) — известный собиратель и исследователь русского народного творчества, автор фундаментального трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» и сборников «Народные русские сказки», «Народные русские легенды».

⁴ Речь идет о рассказах «Прозрение» и «Образ», опубликованных в альманахе «Шиповник», кн. 8, СПб., 1909. Центральный эпизод рассказа «Образ» — натуралистически выписанная сцена расстрела революционной демонстрации рабочих. В рассказе «Прозрение» писатель повествует о том, как религиозный фанатик сжигает свою падчерицу.

〈Петербург.〉 23.II.910.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за ваше письмо и доброе отношение...

Так приятно, так бодрит, когда читаешь такое и знаешь, что есть люди среди художников слова крупные и настоящие. Спасибо за ваше внимательное отношение к моим отпискам, — для меня это очень ценно, все подчеркнутые места приму к сведению.

Вы простите мне слово *дорогой*, ибо в самом деле вы мне дороги, как сын тех же обстоятельств, только большего таланта и большей душевной яркости. Ведь массе людей многое дано с детства вместе с образованием и не приходится тратить стольких усилий на второстепенные вещи, а эти второстепенные вещи, повседневные, подготовительные — быть может, самые страшные.

Приходится подойти к стене, за которой иная жизнь и познание вещей, — с голыми руками.

Богатые счастливы подходят, кто с молотом, кто с зубилом и ручником, чтоб сделать брешь в стене, а мы подходим только с кулаками и одной интуицией.

Мало ли нас, из мрака не вышедших, от безнадёжности и отчаяния ушедших обратно в бесконечный мрак?! И вот, когда видишь такое блестящее доказательство борьбы способностей с мраком — как вы, то чувствуешь, что можно сказать вам слово людям, и звук вашего голоса будет силен и звонок, — и поэтому вы мне еще дороже. Со мной нечто иное, дорогой Алексей Максимович, хотя брешь в стене и я сделал.

Я еще оглядываюсь; и только недавно понял, что требует искусство для компоновки картины важного, а что — аксессуары есть.

Думается мне, что в слог и построении я еще не всё понимаю, но не распустился и стараюсь постигнуть.

Пишу я мало. Путем я все время шел и иду трудным, даже природа всунула в колеса моей телеги не одну палку, а целых 5: мне было пять операций на бедре; на это пошло периодически 15 лет ¹. Теперь, наконец, я здоров совершенно, но это отняло много крови и сил и наложило на меня, а стало быть, и на мою работу, налет мрачного. Вам не нравится «Прозрение», вам кажется, я писал по заказу, а это писано искренне. Что я плохо справился с изображением религиозного помешательства и по-своему, может быть, недостаточно наблюдал это явление, то это правильно.

«Образ» был принят Миролюбовым в «Журн(ал) для всех», переименованный в «Наш журнал» (его конфисковали сразу же) ², а Миролюбову я почему-то верю, он был редактор чуткий. Вам я тоже верю и думаю, что у вас есть своя правда — вам кажется, что сюжет большой и скромкан в маленькой рамке, а потому сугубо страшен.

В «Прозрении» еще сам сюжет исключителен и особенно режет глаз.

Вы пишете учиться у Лескова — хороши его «Соборяне», но в «Полуночниках» все сплошь дешево и банально.

Афанасьева я читал и не считаю его устаревшим. Идеалы письма: «Мадам Бовари» и «Анна Каренина». К ним, конечно, и нужно приближаться по мере сил.

Меня очень привлекает Мопассан, — его гениальные изображения в «Пышке», в «Заведении Телье», «Сильна, как смерть». Вот образцы без тенденции, без поучений, — только одним-двумя штрихами показана симпатия автора к предмету, или сам сюжет припоровлен и говорит за себя.

Я боюсь, что надоед вам и все-таки в заключение буду просить вас, дорогой Алексей Максимович, просмотреть еще некоторые мои работы, а главное «Игошку»³, которого я не имел под руками, когда посылал вам оттиски — люди, знающие меня и любящие искусство, считают рассказ этот лучшим.

Ваше мнение для меня и указания, как я уже сказал, очень ценны. Конечно, я пристаю к вам, у вас возни без меня достаточно, но если возможно будет вам согласиться на мою просьбу, то буду ждать вашего письма.

Всего лучшего желаю!

А. Чапыгин

Петербург, Петербургская сторона),

Большая Гребенская, д. 19, кв. 4.

¹ В детстве Чапыгин повредил ногу, упав с лошади, и многие годы страдал от незаживающих ран.

² Издававшийся с 1898 г. В. С. Миролубовым демократический «Журнал для всех» был запрещен цензурой осенью 1906 г. Та же участь постигла попытки возобновить журнал под новыми названиями: «Народная весть» (ноябрь — декабрь 1906), «Трудовой путь» (1907), «Наш журнал» (1908 — вышел только № 1, издателем был назван Чапыгин). Рассказ «Образ» был напечатан в альманахе «Шиповник». См. письмо 2, прим. 4.

³ «Игошка» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Переvale», 1907, № 11.

4

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

⟨Капри. Март 1910 г.⟩

Все присланное прочитал, возвращаю.

Мне нравятся ваши вещи, очень нравятся! Есть хорошее, добротное знание жизни, налицо — доброе, не судейское, а сердечно-свидетельское отношение к людям. Дорогой мой — «не учить, не судить, а — понимать»¹ — это — чудесно, это очень человечно сказано и, мне кажется: вы чувствуете славную правду этих слов. Искреннейше желаю вам не потерять это чувство, а — углубить его. Нигде люди не нуждаются так в добром и внимательном отношении к ним, как у нас на Руси, — очень уж трудно нам! А обращаемся мы друг с другом и зверски, и скотски грубо.

Позвольте сделать несколько частных замечаний по поводу языка: «В суземе»² — рассказе, напоминающем «Андрона Голована» Н(емировича)-Данченко³, — слишком много пущено местных речений, — это есть и везде, и — этого надо избегать. Зачем заставлять читателя думать над такими словами, как «чухарь», «толгач», «купороть»? «Чухарь» ваш, по-нашему, по-заволжски, будет «токун», на Горной стороне⁴ его зовут «терень», а «сузем», — по-тамбовски — пыль. И т. д. Что же — словари областные надо брать, читая вас?

Не надо брать пример с Ремизова⁵, к(ото)рый, видимо, пишет, держа перед собою раскрытым Далев словарь. И — я, читатель, не понимаю — щегольство или озорство у него в этом?

Спрошу: разве белок стреляют пулями, а не крупной дробью? Пулей — дорого, да и шкурку, поди-ка, портит пуля-то.

Надо избегать нагромождения определений в одном и том же предложении: выбирайте всегда одно, два наиболее подходящих по данному случаю или предмету:

«Прозрачный, чистый, голубой, свежий воздух» — это много! Надо быть более скупым и — точным. В начале «Игоши» — лучший рассказ из прочитанного, вы — правы, — слово «огромный» встречается слишком часто. Читатель подумает: ишь, не хватает ему слов-то в русском языке! Он — капризный и хитрый, читатель-то!

Частое употребление союза «и» придает рассказу воющий тон — и-и-и! Это — привычка Андреева, который старается гипнотизировать читателя, вам, реалисту, она — лишняя.

Избегайте также в одной фразе одинаковых склонений: «она встала, подумала и повернула» — ла-ла-ла, — однообразно!

В «Приютились»⁶ — «стала дрыхнуть» и почти тотчас «стало вечереть» — зачем?

Свистящие и шипящие согласования — щии, сии, шии — не украшают языка. Вообще — смотрите, чтобы такие слова, как «вдруг — испуг», не стояли рядом, и чтобы музыка прозы поистине была музыкою!

Вы извините меня за то, что я говорю о мелочах таких, вы подумайте — мелочи ли это? Язык — не мелочь.

А по поводу общего отношения к жизни я скажу так: мы, Русь, молоды и надлежит нам быть романтиками. Сологуб, словами «беру грубый кусок жизни и творю из него легенду»,⁷ определил верно наше, русское, направление: мы должны обращать внимание на хорошее в жизни, на то — чему расти и жить, дурное, злое — мы не пропустим мимо глаз, мы его отметим, но — не поддадимся ему! Оно — издыхает, оно издохнет; нам нет причин возиться с мертвечиной, с гнилью.

Ваш рассказ «Приютились», по мысли его — в этой линии.

Если задумаете написать что-либо для сборников «Знания», — готовьте к осени. Если же захотите издать книжку, — не советовал бы, рано еще! — пошлите материал К. П. Пятницкому.

Засим — всего вам доброго, бодрости духа, здоровья!

Крепко жму руку

А. Пешков

Оттиски — при сем — бандеролью.

Датируется по письмам Чапыгина Горькому от 23 февраля и 10 апреля 1910 г.

¹ Слова из рассказа Чапыгина «Игошка». См. письмо 3, прим. 4.

² «В суземе» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Журнале-копейке», 1909, № 51.

³ Имеется в виду рассказ Василия Ивановича *Немировича-Данченко* (1848—1936) «Андрон Голован».

⁴ «Горной стороной» в приволжских районах зовут правый, гористый берег Волги.

⁵ Стилизованный язык А. М. Ремизова (1877—1957) — писателя, близкого к декадентским кругам, изобилует диалектизмами, архаической лексикой.

⁶ «Приютились (Барыни)» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Пробуждении», 1907, №№ 34, 35.

⁷ Горький по-своему толкует известные слова Ф. Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт» (предисловие к роману «Навыи чары» (1907). У Сологуба эти слова означали требование эстетского преобразования жизни.

⟨Петербург. 1910, 10 апреля⟩.

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо ваше очень порадовало меня, — я давно, давно не получал таких писем.

Одно время ко мне хорошо относились В. Г. Короленко и покойный Н. К. Михайловский, но Михайловский всегда говорил, «что он не художественный критик», и делал замечания в смысле общего построения работ¹.

В⟨ладимир⟩ Г⟨алактионович⟩ делал замечания в смысле формы, но неохотно, ибо он занятой человек и главный его совет — «не торопиться с печатью». Может быть, в большинстве случаев «не торопиться» — прием

правильный, но в отдельных случаях он не подходящий и даже вредный — так как некоторых из-за безрезультатности созданного ведет к апатии.

Правда, я В<ладимиру> Г<алактионовичу> крайне благодарен, он поправил местами мою работу (из первых), и ее напечатали ².

Вы иного мнения насчет начинающих, дорогой Алексей Максимович, и за это остается только искренне вас благодарить и радоваться, что есть такой — милый и отзывчивый человек, который относится настояще, по-братски. Именно так, как пишете вы, «мы, русские, относимся друг к другу и грубо и зверски». В большинстве случаев относятся грубо и зверски или с улыбкой (но фальшивой) все, проявившие так или иначе себя в литературе современной, они не ободряют, не поддерживают, а тайно или явно осмеют или оттолкнут, и остается около них пустое место в виде *кумовства*. Хорошие, которых наперечет, как вы и В. Г. Короленко, в стороне и далеко.

Большое вам спасибо за «Знание»; как только представится возможность осенью — пошлю материал.

Дорогой Алексей Максимович! Вам известно, сколько на свете самозванно-критической, а главное издательской шуперы, и бог бы с ней! Но она, эта шупера, стоит у дел и вершит их, — она ценит не то, что надо ценить, она глядит в сторону всяческого кумовства и панибратства или верит отзывам мелкоты, которая обратила внимание своей критикой, — пройдясь по улице в «наряде короля» из Андерсена.

Повторяю — бог с ней! — она исчезнет, как мошка от мороза, но когда приходится пристраивать рукопись, а прислушиваться не хочется, — хочется дать свое, тогда видишь, как всеильны эти герои сегодняшнего дня, и в результате — снова неси работу в другое место.

Оттого я и печатал так:

В Москве: «Перевал»,

«Правда».

В Петербурге: «Шиповник», «Пробуждение»,

«Жизнь и социализм», «Образование»,

«Вестник Европы» ³, газ. «Страна», «Наша жизнь» ⁴.

Все помещено случайно, без связи, а где были связи маленькие, как в «Образовании», те издания кончились.

Издательская мелкота смотрит так: если у писателя есть книжка — стало быть, он признан, и охотно помещает и дороже платит за работу. Ради этого я очень вас буду просить — если возможно принять мой материал для издания, то не отказать мне. Этим облегчите мне интенсивность работы, ибо всякая вещь залежавшаяся отнимает время и, как человека неуверенного, расстраивает и мешает мне работать.

К материалу приложатся еще два рассказа такого же достоинства, как «Ванькино детство», напечатанных — один в «Правде», другой — «Жизни и социализме», две сказки и лирические отрывки, частью напечатанные в сборнике «Огни» памяти Башкина ⁵. Такие рассказы, как «В суземе», сделанном наспех, с местным волапюком, и «Гости», в виду опасности конфискации, можно изъять ⁶.

Я с вами вполне согласен, что рано с книжкой выступать, но не из-за признания меня, а из-за приведенных соображений, ради будущей работы ее следует издать. Есть еще второстепенная вещь, но тоже неприятная — это некомпактность разбросанного в различных изданиях материала. Я кое-что потерял, не мог достать, и пришлось возобновлять по черновикам.

Очень прошу вас, если возможно, — издать.

Дорогой Алексей Максимович — охотно отвечаю на ваш вопрос относительно охоты на белку:

Я родился на границе Олонецкой и Архангельской губерний, в уезде промышленников на пушного зверя и птицу, а потому, сообщая, не боюсь.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА
КНИГЕ «ПЛАУН-ЦВЕТ»
(М., 1925):

«Дорогому Алексею Максимовичу
на память об авторе А. Чапыгин.
29 VII 25. (Чем богат! тут пока всё)»

Личная библиотека Горького

А. ЧАПЫГИН

*Дорогому Алексею
Максимовичу
на память об
авторе*

ПЛАУН-ЦВЕТ

А. Чапыгин
29
VII - 25.

*(Чем богат! тут
пока всё.)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НЕДРА“
МОСК. ГОСУД. ОБЪЕДИН. ПОЛИГРАФ.
ПРОМЫШЛЕННОСТИ „МОСПОЛИГРАФ“
МОСКВА 1925

перепутать факты: белку стреляют пулей охотнее, чем дробью. Дробовое ружье требует большого заряда и бьет не всегда удачно — рассыпает. Лес очень высокий.

Для охоты на белку у промышленников идет чаще всего пистонная, а иногда кремennая мелкокалиберная винтовка, она бьет довольно сильно, а при меткости стрельбы незаменима, потому что белка несет хорошо удар и от дробы часто далеко уходит, много отнимает времени.

В винтовку порошу идет мало, а пули отливают сами (пулелейками). Пуля загоняется в нарезной ствол медным шомполом без пыжа и очень туго. Стреляют из винтовки с подстава — «посох», распиленный вдоль батога. С руки стрелять трудно, приходится идти по лесу болотами и сухим местом, очень далеко заходить иногда, даже часто в труднопроходимые места: словом, куда заведет лай собаки. В Сибири, где лес похож на наш, еще не так давно существовали промыслы на белку совсем мелкими пулями. Охотники брали с собой свернутые свинцовые прутья, откусывали зубами или щипцами пульку и загоняли таким же медным шомполом. Если пуля придется плашмя и шкурку разорвет, то это все равно — берут разорванные пополам, и цена не понижается на рваную. Если снимут шкуру с медведя по-коровьи, а не клиньями, то другое дело — там шкура ценится иначе, ибо клин вытягивается и голова перешивается на конец, отчего шкура кажется больше. <Далее — рисунок.>

Я по летам уезжаю к себе и охочусь с промышленниками.

Присылаю вам два фотогр<афических> снимка леса. На одном из них со своей собакой и ученики торговой школы, которых я водил по лесу: ходить у нас, не зная троп, опасно, а по компасу постоянно — утомительно.

В заключение и непоследовательно скажу несколько слов еще о литературе: я с вами согласен, что должен быть романтизм, но у меня его пока нет, ибо фабула несложная и работы необширные. Он возможен только в крупных работах.

Всего вам лучшего!

И больше здоровья!

10.IV.910.

А. Чапыгин

¹ В 1893 г. Чапыгин написал повесть «Две судьбы» и послал ее в журнал «Русское богатство». Редактор журнала Н. К. Михайловский отверг это произведение, отмечая в нем «много нецензурного и вообще неумелого» (Чапыгин. Автобиография. Архив ИРЛИ). Сохранилось письмо к Михайловскому от 30 октября 1897 г., в котором Чапыгин советует по поводу своего рассказа «Святая ночь» (Архив ИРЛИ).

² Очерк «Зрячие». На рукописи этого очерка, по свидетельству Чапыгина, Михайловский сделал надпись: «Напечатать нельзя, но все-таки обращаю особенное внимание на нее В. Г.» (Короленко. — *Ред.*), а Короленко внизу написал: «Прочел в дороге, желательно по возвращении поговорить с автором» (Автобиография. Архив ИРЛИ). Очерк «Зрячие» напечатан в журнале «Новая иллюстрация», СПб., 1903, № 50, издававшемся при газете «Биржевые ведомости». «Короленко „поправил“ и особенно тронул в очерке снежный пейзаж» (А. Чапыгин. Жизнь моя. М., 1930, стр. 414).

³ В перечисленных журналах были напечатаны следующие рассказы Чапыгина: «Игошка» («Перевал», 1907, № 1), «Квартира» («Правда», 1905, № 7), «Образ», «Прозрение» (альманах «Шиповник», № 8. Пб., 1909), «Лесной пестун» (там же, № 15, 1911), «Приютились (Барыни)» («Пробуждение», 1907, № 34, 35), «Фонарщик» («Жизнь и социализм», 1906, № 4), «Наваждение», «Зимней ночью» («Образование», 1905, № 60), «Ванькино детство» (там же, 1906, № 5), «Последняя дорога» (там же, 1906, № 9), «Гости» (там же, 1907, № 10), «Сорвался» («Федька-минога») («Вестник Европы», 1910, № 1).

⁴ «Страна» — либеральная газета, выходившая в Петербурге в 1906—1907 гг. Публикаций Чапыгина в этой газете не обнаружено.

В газете «Наша жизнь», 1904, № 50, Чапыгин напечатал рассказ «В праздник» («Микридка»).

⁵ Василий Васильевич Башкин (1880—1909) — писатель. В 1910 г. издательство «Огни» посвятило его памяти один из выпусков альманаха «Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина». СПб., 1910), где Чапыгин напечатал «Наброски» — лирические стихотворения в прозе: «Возвращение», «Осень», «В старом доме», «О краках», «Вечером».

⁶ За рассказ «Гости» номер журнала «Образование» был конфискован (1907, № 10).

6

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

⟨Петроград. 1918 г.⟩

Д л я А. П. Ч а п ы г и н а

Обратите, А⟨лексей⟩ П⟨авлович⟩, внимание на родословную Олега — Михаила Святославовича — он же Гориславич.

Записка. Текст написан красными чернилами. На обороте — синими чернилами: «Я прямо говорю».

Датируется по содержанию.

В конце 1918 г. Чапыгин уехал из Петербурга в Харьков, где изучал Летописи, Киево-Печерский патерик и создал в 1919 г. драму о князе Олеге Святославиче — «Гориславич». В своих воспоминаниях К. Федин приводит следующий отзыв Горького о пьесе: «Написал, понимаете ли, пьесу „Гориславич“, на языке XII века. Непосвященный даже не уразумее. Поставить ее в театре нельзя. Да и прочитать — едва ли возможно. Но человек, как волшебник, перешагнул через тьму времени и заговорил языком XII века так, точно всосал его с материнским молоком. Для этого способностей мало, надо иметь нечто большее. Необыкновенные вещи надо ожидать от этого чудодея» (К. Федин. Горький среди нас, ч. I. М., Гослитиздат, 1943, стр. 133—134).

По инициативе Горького в 1920 г. пьеса обсуждалась на заседании редколлегии секции исторических картин, но ни напечатать, ни поставить в театре пьесу не удалось. В АГ хранятся черновая и беловая рукописи пьесы «Гориславич». На первом листе белового автографа надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с любовью посвящаю. А. Чапыгин. 1918—1919 г.».

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 28 июля 1925 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

вы и представить себе не можете, как мне было радостно и приятно получить от вас весточку!¹ Ведь и жить стоит лишь для того, сознавая, что есть люди, как вы, которые любят, ценят и понимают искусство. Таких незаменимых никем людей так мало! Спасибо за отзыв о «Разине». Я занимался XV в., XVI и XVII, а также прочел о Петре Корба² и еще кое-кого. Хотел писать драму «Разорение Иваном III Новгорода»³. «Разина» писать начал случайно: А. Н. Толстой хотел выступить с историческим романом о Пугачеве, не успел и просил меня дать ему передышку⁴. Мой роман пойдет до рождества, а в то время он подготовит материалы. Я пока написал половину, 9-ть печатных листов, и чувствую, что будто взялся избу строить — я за нее, она сгреблась за меня!

Большое спасибо, дорогой А. М., за труд, который вам пришлось приложить к «Гориславичу»⁵, но когда, вернувшись в город, я отыскал пьесу, то увидел, что переписчик навставлял много непонятных и чужих слов. Я ее (пьесу) исправил вместе с моим приятелем — учеником акад(емика) Шахматова⁶ профес(сором) В. В. Виноградовым⁷ — также просмотрел я ее и со стороны одежды и оружия по книге Савваитова⁸ и по Срезневскому⁹. Пьеса не напечатана, и по цензурным условиям, так же, как и «Белый скит»¹⁰ и «Лебяжье озеро»¹¹, не может быть напечатанной, ибо все это мистика! К мистике отнесены все разговоры о душе, а также былинность и сказочность, требуется писать о новом быте, это же все ненужное. И вот присылаю вам книгу «Плаун-цвет»¹² где, по возможности, изображаю нашу современность. Здесь есть хороший переводчик на немецкий язык В. В. Гельмерсен¹³. У него находится «Гориславич», хочет перевести пьесу языком Нибелунгов, кроме того берется перевести и «Лебяжье озеро» и «Разина», «Разина» — стилем Олеария¹⁴. С современностью и новыми людьми я живу в согласии. Работы мои просят. А тут был мой юбилей XX-летний, так один из ответственных и ученых коммунистов написал о моих работах довольно хорошую статью¹⁵.

«Гориславич» очень увлекает актеров IV студии Московск(ого) Худож(ественного) театра, они хотели бы поставить пьесу, но цензура мешает. Блок написал о пьесе «Гориславич» хвалебный отзыв; он помещен в его сочинениях, 13 т., изд. берлинское¹⁶.

Что еще написать вам о себе? Живу — не жалуюсь, но поехать к вам и поехал бы с великой радостью, да денег нет и приходит на ум Некрасова стих: «Уж где ему в Италию, он рад бы в Конотоп». Приблизит(ельно) так¹⁷.

Как ваше здоровье, дорогой Алексей Максимович?

Очень и очень я соскучился по вас!

Теперь я живу на Карповке, ул. Литераторов, д. 19, общежитие литераторов, комн. 10. Через неделю уеду в свой бывший Олонецкий Конотоп: Вологодская губерн(ия), Каргопольский уезд, Федовская почтов(ая) станц(ия), деревня Большой угол.

Спасибо! Рад буду снова получить от вас письмо.

Ваш А. Ч а п ы г и н

Книги «Былое» будут вам посылать. В первых числах октября буду в Ленинграде.

¹ 9 июля 1925 г. Горький послал Чапыгину письмо, в котором высоко оценил первую часть романа «Разин Степан», опубликованную в журн. «Былое», 1925, №№ 1—2 (см. т. 29, с. 431). В письме П. Н. Зайцеву от 22 июля 1925 г. Чапыгин сообщал: «21 июля получил от Горького из Сорренто письмо — восторженно пишет о том, что напечатано в 2-х книгах „Былого“. Он еще не знает рынка, свадьбы Разина и Москвы боярской с пытками и застенками» (ИРЛИ, архив Чапыгина, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 74).

² Иоанн Георг *Корб* — секретарь австрийского посольства в 1698—1699 гг., автор «Дневника путешествий в Московию». Изобилующая нападка на Петра I и его ближайшее окружение, книга Корба была запрещена в России. В русском переводе книга появилась лишь в 1906 г.

³ В архиве Чапыгина хранится большой драматический отрывок под заглавием «Борзописный сказ о детях Господина Великого Новгорода», датированный 1924 г. (ИРЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 91).

⁴ Роман о Пугачеве А. Н. Толстым не был написан.

⁵ О пьесе «Гориславич» см. примечание к письму 6.

⁶ Алексей Александрович *Шахматов* (1864—1920), академик, лингвист, историк древней русской культуры.

⁷ Виктор Владимирович *Виноградов* (р. 1895) — лингвист, историк литературы, член академик.

⁸ П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865.

⁹ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма в языке X—XIV веков. Изд. 2. СПб., 1882.

¹⁰ «Белый скит» — повесть Чапыгина — напечатана в «Русской мысли», 1913, кн. IV—V—VI. В своих воспоминаниях Чапыгин приводит следующий разговор с Горьким в 1915 г.: «— Эх, хорошо написали вы „Белый скит“, будто по карте золотом вышито.

— Иные говорят, что в нем есть мистика.

— Никакой мистики там я не нашел. Черт с ними, пускай говорят» (см. А. Чапыгин. По тропам и дорогам. М., ГИХЛ, 1931, стр. 200).

¹¹ «На лебяжьих озерах» — повесть Чапыгина, опубликованная в «Красной нови», 1922, № 2. Отдельного издания повести не было, и в собрания сочинений Чапыгина она не включалась.

¹² А. П. Чапыгин. Плаун-цвет. Сб. рассказов. М., «Недра», 1925. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу на память об авторе. А. Чапыгин. 29.VII.25 (Чем богат! тут пока всё)» (ЛБГ).

¹³ Василий Васильевич *Гельмерсен* (1886—1942) — переводчик. В 1930 г. берлинское издательство «Neuer Deutscher Verlag» выпустило в его переводе роман Чапыгина «Разин Степан».

¹⁴ Адам *Олеарий* (ок. 1599—1671) — немецкий ученый и путешественник, автор книги «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647).

¹⁵ Г. Якубовским написано предисловие к сборнику «Федька-минога» (М., 1925).

¹⁶ Рецензия А. Блока на драму Чапыгина «Гориславич» напечатана в Собр. соч. Блока, т. IX. Берлин, «Алконост», 1923, стр. 236.

¹⁷ Неточная цитата из третьей части поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

«Свезти его в Италию
Сулились да уехали...
А он был рад-радехонек,
Какая уж Италия?
Обратно в Конотоп».

⟨Сорренто. 13 августа 1925 г.⟩

Получил вашу книжку ¹, дорогой мой Алексей Павлович, — спасибо!

Ее лучшие рассказы: «Насельница», «Белая равнина», особенно хорош «У границы». Остальные написаны холодно и, как бы, подневольно. Да, судя по письму вашему, так оно и есть.

Я и знаю, и хорошо чувствую, как тяжело и сложно положение писателя в современной России. Но почему-то все крепче надеюсь, что это скоро минует. Может быть, потому надеюсь, что вижу, как успешно развивается у нас дело здоровой самокритики, но больше потому, что уверен

в неодолимости, нестигаемости русского таланта. Ведь бывали времена не только хуже, а и подлей, напр<имер> при Николае I, когда русская литература приобрела значение мировой. То, что творится теперь, не идет в сравнение с прошлым уже лишь потому, что, несмотря на неизжитый страх перед отжившим — в этом страхе источник многих ошибок и заблуждений, — здравого смысла теперь у нас больше, чем было когда-либо. А одно из невольных и неустраимых внушений здравого смысла — признание внутренней свободы человека. Вот здесь-то, пока, и балует, играет страшок пред старинкой. Пока. Но — ненадолго, я думаю.

Может быть, это самоутешение? Не знаю. Но я «люблю верить», как на днях упрекнул меня поэт Ходасевич. Верю же я только в человека. Только в него. Это вся моя религия, весьма мучительная, но в той же мере и радостная. Так-то.

Верю и в то, конечно, что внешние давления не сломят, не исказят ваш талант, любимый мною. Вы, ни на что не глядя, будете писать «о душе, о былинном и загадочном», и дети ваших героев превосходно поймут вас. Ибо — душу из жизни — не вышибешь, а былинность и загадочность жизни все возрастает, вопреки всяким рационализмам и материализмам.

Крепко жму руку вашу, мой хороший друг.

Будьте здоровы.

А. Пешков

13.VIII.25. Sorrento.

¹ См. письмо 7, прим. 12.

9

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

<Ленинград.> Среда. 23—XII—25.

Дорогой Алексей Максимович,

много виноват перед вами, что столько времени не ответил на ваше письмо ¹, посланное мне на родину, и теперь вот собрался, наконец! Много было причин, мешающих написать вам, но, дорогой мой, кого-кого, а вас я не забываю и не забуду никогда, пока существую. Причины таковы — наша деревенская почта пока ходит, как при основателе ее Ордын-Нащокине ², и писем за границу не принимает, а в Петербург идут письма неделю, ибо она кружит по всем закоулкам. Здесь же, когда приехал, нахлынули на меня всякие дела и главное с *романом*. Дело в том, что половину романа я печатаю в «Былом» — «Москва боярская», и ею кончаю ³. «Былое» мало платит — 100 р. лист, да еще и с запозданием, а потому существовать на их гонорар невозможно. Подвернулось так, что Воронский — «Красная новь» — взялся печатать вторую половину ⁴, ибо похвально отозвался о первой, хотя и говорит, что при всех достоинствах романа — много разговоров участвующих лиц в романе. Все же печатание 2-й части — «На Волге, в Яике, Персии и Астрахани» я перенес к Воронскому. Гонорар повысился — 175 р. лист, и таким манером это мне даст возможность продолжать роман, не отвлекаясь к литературным мелочам. Относительно оттисков — я их, вероятно, буду получать и пересылать вам. Думаю, что это устроится. Вы же не оставьте написать мне ваше впечатление от работы моей.

О книге «Плаун-цвет» вы написали правду — я ее не очень ценю, как и все ушедшее от глаз моих в люди. Вы не написали только о «Лободырах» ⁵. Этот рассказ многим нравился.

Книга послана издательству Ладыжникова И. П. ⁶ Издательство просило. И ныне же получил извещение, что один из рассказов напечатан в их журнале «Руссисхе рундшау» ⁷, но №№ журнала где-то застряли,

и я ни одного не получил. Возможно, что цензура его не пропускает в СССР.

Что еще написать вам?

Виделся с С. А. Адриановым⁸, говорил о вас, и радуюсь, что вы здоровы и много работаете. Я же все нахожусь в сомнении: перешел в Москву с романом, а вдруг как повторится со мной приключение, как с неким дьяконом из Александро-Невской лавры:

В свое время в дьякона, видного корпусом и огромного ростом, влюбилась петербургская купчиха-миллионерша, хвалила его так и сяк и вдруг сказала:

— Ой, отец дьякон, да кабы вы обстригли эту свою львиную гриву, а церковное платье сменили бы на фрак, то, думаю я, бесконечно были бы милы моему сердцу!

И вот — дьякон поконтчил с лаврой, обстригся, надел фрак и влетел в мирском одеянии к той, кем был очарован, а она взглянула, взвизгнула, закатила глаза и закричала во вся:

— Ой, как вы безобразны, отец дьякон!

И вот послал я первые главы 2-й части Воронскому, а вдруг как после всех похвал и признаний он тоже взвизгнет? И это мне мешает работать. Кожу, починию мебель, доставшуюся в мое ведение от Дома литераторов, крашу свою комнату и вообще жилище из сарая превращаю в комнату, где можно жить до тех пор, пока не придется уехать в другое место. Очень любят в наше время таких жильцов. Но когда все приготовлено, является лицо и накладывает печати, говоря: «Это нужно другим!» И выходит подобно средневековью, когда Ричард Львиное Сердце призывал в Англию евреев, запретил им заниматься другим, кроме ростовщичества, а когда скопилось богатство, отбирал его и выгонял скопивших золото за границу своего государства. Правда, только то, что написал я, несколько изменилось теперь, и без возмещения траты на квартиру выжить жильца нельзя, да еще и отвести необходимо ему свободное помещение, чтоб перебраться.

С «Былым» я порвал еще и потому, что им беллетристика чужда и нарушает их план и цельность журнала. Их первоначальная мысль была, чтоб с октября 25 года по июнь — июль закончил роман, а потом писал бы и печатал А. Н. Толстой, но Толстой задержался, а потом и совсем не стал писать «Пугачевщины», и я остался один до конца 25 года. Последняя книжка с моей работой выйдет у них в половине января 26 года, а на 26 год они предлагали мне писать, но печатать хотели отдельными выпусками — тетрадками, вкладывая их в книжку. Мне это окончательно не понравилось, и мы разошлись, но разошлись без ссоры — допечатают, доплатят.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович!

Ваш А. Чапыгин

Ленинград, Карповка,
ул. Литераторов, д. 19, комн. 10.

¹ См. письмо 8.

² Афанасий Лаврентьевич *Ордын-Нащокин* (ок. 1605—1681) — русский политический деятель царствования Алексея Михайловича.

³ В «Былом» был опубликован том I романа «Разин Степан» (1925, №№ 1, 2, 5, 6).

⁴ Во всех номерах «Красной нови» за 1926 г. печатались тома II и III «Разина Степана».

⁵ Рассказ «Лободыри» напечатан в «Красной нови», 1924, № 32.

⁶ Имеется в виду Русско-германское акционерное книгоиздательство «Книга» (позднее «Международная книга»), организованное в 1921 г. в Берлине при деятельном участии И. П. Ладыжникова.

⁷ Рассказ «К родным берегам» — «Russische Rundschau», 1925, № 8.

⁸ С. А. *Адрианов* (1871—1941) — литературовед. В 1925 г. гостил у Горького в Сорренто.

Тому кто
радостно привет-
ствует мои
литературные
изыскания на
добрую память
другу моему.
Алексей

4-1-1927
на Ксенофонта
Кривого, дорогой мой А. М.
и что худо в нем и что
хорошо еще раз скажите.

А. ЧАПЫГИН

РАЗИН СТЕПАН

РОМАН ИСТОРИЧЕСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

АРТЕЛ ПИСАТЕЛЕЙ
ДРУГ
1926

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «РАЗИН СТЕПАН»
(М., 1926):

«Тому, кто радостно приветствует мои литературные изыскания, на добрую память другу моему
Алексей Максимовичу. Примите мой последний труд, дорогой мой А. М., и что худо в нем и что хоро-
шо, еще раз скажите. А. Чапыгин. 4—1—1927».

Личная библиотека Горького

10

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 20 апреля 1926 г.〉

Дорогой мой Алексей Максимович!

Передо мной лежит ваш портрет, крупно напечатанный в «Красной
новии»¹, и, глядя на него, такая-то тоска взяла меня по вас, что вот снова
пишу, хотя на последнее письмо мое вы и не ответили. Обещался в нем я
посылать вам «Красную новью» за 1926 г., но, увидав вашу работу², ре-
шил, что редакция и без меня то делает, а журнал дорог — 2 р. книжка,
они же пока оттисков не дали, а «Былое» прогорает! Задолжали мне, и
неведомо когда получу и получу ли. И так нищенски платили, а тут еще
затянули. Ну, да черт с ними!

Послали ли они вам VI-ю книжку с концом 1-й половины романа
«Разин»?

Книжка недели полторы как вышла, и книжка декабрьская, а «Крас-
ная новью» так бежит, что скоро мне на хвост наступит! Я же запутался
в пестрых узорах Персии, и идет моя телега с великим скрипом в гору.
Еще нет поворота к трагедии — развязке, и еще много, много тяжелого
пути впереди.

Не так давно повесился Сергей Есенин. Какая жалкая и страшная
история — такой талант и душа русская, раздольная душа! Сгорел,

по-моему, он от бесконечных любовных походов и безволия, в которое погружает ежедневное пьянство: воля пропадает, и бредовые ощущения и кошмары выступают в душе все рельефнее. Посылаю вам мой последний снимок, не осудите за ничтожный привет на куске картона ³. Я нынче все же снял с себя тяготу, лежащую на мне в ваших словах, дорогой А<лексей> М<аксимович>: «Вы много знаете и мало делаете!» ⁴ Теперь я стараюсь сделать больше, чем могу, и подымаю камень историческ<ого> романа в 25 листов. Знаю, что о многом будет сказано недостаточно детально, но что делать! Радость берет, читая ваш роман «Дело Артамоновых». Вот как надо писать!

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович, и, если можно отзовитесь: Ленинград, улица Литераторов, д. 19 (Карповка).

Ваш А. Чапыгин

20.IV.26.

¹ Портрет Горького напечатан в «Красной нови», 1926, № 3.

² В первых трех номерах «Красной нови» за 1926 г. публиковались главы из романа Горького «Дело Артамоновых».

³ Фотография Чапыгина не сохранилась.

⁴ По свидетельству Чапыгина, эти слова были сказаны Горьким при первой встрече с писателем в редакции «Летописи» в 1915 г. (А. Чапыгин. По тропам и дорогам. М., ГИХЛ, 1931).

11

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

<Сорренто.> 1.V.26.

Дорогой мой Алексей Павлович,

я — корреспондент аккуратный и в свое время ответил на письмо ваше по адресу, вами данному, куда-то в деревню Олонецкой, а то — Вологодской губ., — не помню ¹.

Спасибо вам за дружеское письмо, за память и за похвалу «Артамоновым», повести, которая более или менее сносно сделана лишь в начале ее. «Вот как надо писать», — восклицаете вы. Нет, уж пожалуйста, не надо. А вот так бы, как вы пишете «Разина», написать 36 страниц о Василии Косом, — вот бы я был с праздником! Не вам, А<лексей> П<авлович>, дорогой друг, говорить «Вот как»... и т. д. Когда я читаю Разина, у меня от зависти уши горят, а от радости — чуть не плачу. (Вот — черта: никогда за всю жизнь не плакал от горя, а от радости — не мало и, конечно, больше над книжками, чем над людьми.) Я этот ваш роман заставляю всех домашних читать, из второго экземпляра журнала выдрал и в Австралию послал, там у меня знакомый на сахарном тростнике деньгу зашибает, очень тонкий ценитель русского слова и старины русской знаток.

Был я уверен, что вы напишете нечто своеобразное и очень большое, еще до «Святослава» ² верил в это, а теперь, вот, и оправдалась вера. И — как это хорошо, знаменательно, что у нас чувствуется тяга к историческому роману. Я и книгу Форш «Одеты камнем» хорошо встретил, и в «Кюхле» Тынянова много вижу. Да и сам тоже пишу нечто «прощальное», некий роман-хронику сорока лет русской жизни ³. Большая — измеряя фунтами — книга будет, и сидеть мне над нею года полтора. Все наши «ходьнки» хочу изобразить, все гекатомбы, принесенные нами в жертву истории за годы с конца 80-х и до 18-го. Тороплюсь, ибо — здоровье трещит, а жить трудно, денег и мне не платят. Пишу — не отвечают. На семи дубах Госиздата сидит какой-то неведомый человечек и — молчит непреклонно. А должен мне Госиздат — много.

Вообще, русским писателем трудно быть, это давно и многими замечено. Полагаю, что впереди еще труднее будет. Есенина мне жаль. Вы правильно оцениваете его. И — знаете что? — жизнь его и смерть — это тема для вас. Да. Никто лучше вас не поймет и не изобразит ее. Если вы после Разина не встанете на путь романиста «исторического», то, честное слово, вам надо написать роман о Поэте.

Я очень вас люблю, А<лексей> П<авлович>. Очень. И не за то лишь, что вы замечательнейшая фигура в литературе русской, а — за всё. За то, что вы такой вот, а не иной.

Крепко жму руку. Будьте здоровы.

А. Пешков

Пишите: Sorrento, Massimo Gorki.

¹ Это письмо не обнаружено.

² Имеется в виду драма Чапыгина «Гориславич» (см. примечание к письму 6).

³ «Жизнь Клима Самгина».

12

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

«Ленинград. 8 июля 1926 г.»

Дорогой Алексей Максимович!

Ваши похвалы мне нужны и очень ценны¹, ибо сам я часто не вижу, что пишу, — верю только интуиции, да и то бумаги перемарано очень много — напишешь, глядишь: этот кусок прочь и этот тоже, потом выбираешь. Долго приходится ходить и думать: как? Да некогда много ходить — надо поспешать, и так все время. Люди, конечно, есть, коим читаешь, но люди субъективны (одному — одно, другому — другое). Один знаток книги — давно это было — послужал кое-какие сцены, сказал: «Да... это новый тип исторического романа!». Один профессор, изучающий раскол и время протопопы Аввакума, сказал, что «это очень подлинно и ярко и очень ему нравится!» Говорил восхищенно о сцене с воеводой Самарским, а вот критика в лице Георгия Горбачева отозвалась так:

«Роман написан по-старинке: с пытками, казнями чрезмерными, с таинственными подземельями, и ничего нового не представляет»².

О Пильняке вы пишете сущую правду!³ Какую ложь возвел болтун на ЦК, что дескать Фрунзе ВЦК приказал сделать операцию — у Фрунзе был рак желудка, и здесь никто ни указать, ни приказать не может, потому что человек обречен на смерть, никакой ВЦК погубить его не может, — обречен. Ложь. Но ложь Пильняку нужна, и эта косая шельма последнее время была на скандал, а хуже всего, что и Воронского замарал. Воронский — лучший из современных редакторов, а человеку, к которому В<оронс>кий относился более чем хорошо, марать хорошего было приятно, ибо Пильняк все-таки «человек из подполья», тут еще и старая поговорка: «бог шельму метит!». Первые вещи П<ильня>ка мне тоже нравились, хотя в «Голом годе» я видел много от Белого, но были иные, простые, вроде «Былье». Этот рассказ хорош! Потом же начал крутить и никогда до конца не доводил — начнет ладно, ярко, а кончит размазней; делает вид, что хочет сказать значительное и запутается в анекдотах. Молодые есть хорошие, верно: «Привет, Русь!» Леонов, Федин, Лавренев (отчасти), доктор Булгаков — «Роковые яйца»⁴ — так, немножко с Уэллсом, но все же хорошо и умно. А молодежь? — ее современные критики в большинстве на колокольню тянут — зазвонят во вся! уйдут, а с колокольни ступенек-то нету, брякнется молодец и резвые ножки поломают. Многих так. Всеволода Иванова (талантливый), воз-

вели — звонили, а нынче сидит парень, приуныл что-то. Я верю, что справится, талантливый. Было время (старички то же делали), я раз их послал к матери — терпел, терпел, да и брякнул: Гребенщикова Георгия ⁵ осливали сибирским Горьким. Я сказал, что «Горький пока у нас один, другого нет». И верно ведь: какую скуку в «Чураевых» ⁶ разведал, что скулы, зевая, свернешь, а слог газетный, и газета, где он много работал, да на войне корреспондентство не прошли ему даром, — интуиция его оглохла и ослепла. Вот-те пророчество борзописцев-критиков. И все так, хлестки черти, да души нет. Сережу ⁷ как вспомню — щемит душу. Жаль парня! Не часто такие бывают, но он прошел как Тореро из Ибаньеса ⁸ — «этот паренек, не учась, быка кладет, а дорого заплатит за храбрость!» Так и Сережа: последнее время стал воспевать кошмары, лежал на битых бутылках пьяный, истекал кровью, вылечился, написал сильное стихотворение «Снежная ночь», тройка, пылит холодом в лицо. Кончалось: «Нет проклятой тройки! Я проснулся и лежу на больничной койке». Потом «Черный человек» — поразительный кошмар белой горячки. А культура все слабее, а воли все меньше — алкоголь убивает волю.

Про Соболя ⁹, чтоб быть честным, ничего не скажу, — раза два я его видал в Москве, и не знал его совсем, так мелькнул только.

Молодые писатели МАПа — ВАПа, ЦАПа и других ассоциаций густо невежественны, в этом их смерть. Один со мной пространно рассуждал о том, что де «психология — это штука буржуазная, и мне — пролетарскому писателю — она не нужна». Ну и ладно! Ругаться тут не о чем, можно сказать: «Так тебе и надо!» Самое худое, что некоторые из них знают, что учиться надо и усвоить многое надо, да уж больно долго идти, а вот поскорее — отрицай всё, лупи всё словом «мещанство! буржуазное! не классовое» и прочее, читай себя, да слушай, что критики говорят. А критики ведут без компаса по тропам литературы и сами путно не знают леса, оттого здесь, в Питере, многие рабочие в библиотеках заводских кричат: «Давайте нам классиков! Современную литературу не надо».

Нынче мне Клейнборт ¹⁰ рассказывал:

Было собрание многих власть имущих редакторов. Решили, постановили: «Не печатать ничего не рабоче-крестьянского! Ближе к рабочим и крестьянам. И только такую литературу издавать». То-то будет опять макулатуры! И так лежат битком набитыми подвалы госиздатов, все идет в перемол. Беда в том, дорогой А<лексей> М<аксимович>, что в госиздатах на редакторских стульях сидят, как на воеводском кормлении, ему бы на суконной фабрике место, а он рукописи принимает или бракует. Ну, это их дело — редакторов! Только уж государству очень убыточно.

Как-то услышал, что будто бы вы собирались навестить нас? И возразилось мое сердце, да потом подумал, решил: «нет, незачем А<лексей> М<аксимович> ехать!» С Коутсом ¹¹ простился 11 июня. Был на «Снегурочке». Эх, дирижер! Очарование. И человек настоящий, широкий. Поехали с женой в Англию, обещались к вам в Сорренто.

Сиюю вот — надо Астрахань писать и к концу, по обещанию перед редактором, двигаться — а меня хоть за волосы тащи к столу! Тяжело эти камни ворочаются, а главное — машина стучит — давай! Тут они в VI книжке «Персия» — разгром Дербента — вверх ногами все персидские слова поставили: «Вай астводз!», армянское «Ах, господи!», напечатали: «Солдат, любящий шаха» и в этом роде.

То-то ругнет меня какой-нибудь знаток-востоковед! На радость мне.

Вы себя, дорогой А<лексей> М<аксимович>, берегите! Мне же, как наши северяне говорят: «Чёрт деет!»

Будьте здоровы, милый!

Ваш А. Чапыгин

¹ Имеется в виду письмо Горького от 17 июня 1926 г. (т. 29, № 828).

² Речь идет о статье Георгия Горбачева «А. П. Чапыгин (тематика и идеология его рассказов и повестей)». — В кн.: Георгий Горбачев. Два года литературной революции. М., «Прибой», 1926. В статье говорится: «О последнем романе Чапыгина о „Степане Разине“ трудно говорить до его окончания. То, что опубликовано, показывает усидчивую работу над языком, бытом и социальной жизнью эпохи, широкое и умелое разворачивание сюжета, и одновременно — подчинение шаблону старого исторического романа, с ужасными казнями, необычайными победами, сверхъестественно сильными героями, подземными тайниками» (стр. 146—147).

³ В письме Чапыгину от 17 июня 1926 г. Горький резко отрицательно отозвался о «Повести о непогашенной луне» Б. Пильняка: «Прочитал скандальный рассказ Пильняка „Повесть непогашенной луны“, — каково заглавие? Этот господин мне противен, хотя, в начале его писательства, я его весьма похваливал. Но теперь он

А. ЧАПЫГИН

БЕЛЫЙ СКИТ

МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Дорогому
Алексею Максимовичу
Пешкову
С любовью и
благодарностью
за привет, любовь
и доброжелательство
от автора
на память.
7-III-28.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ
«БЕЛЫЙ СКИТ» (М.—Л., 1928):

«Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и благодарностью за привет, любовь и доброжелательство от автора на память. 7—III—28».

Личная библиотека Горького

пишет так, как будто мелкий сыщик: хочет донести, а — кому? — не решает. И доносит одновременно направо, налево. Очень скверно. И — каким уродливым языком все это доносится! (т. 29, с. 470). Далее речь идет о книге рассказов Б. Пильняка «Былье». М., «Звенья», 1919, и романе «Голый год». Берлин, изд. Гржебина, 1923.

⁴ «Роковые яйца», фантастико-сатирический рассказ М. А. Булгакова. — Альманах «Недра», № 6, М., 1926.

⁵ Георгий Дмитриевич Гребенщиков (псевдоним — Сибиряк, р. 1882) — писатель, в 1916—1917 гг. активно сотрудничал в «Летописи», после Великой Октябрьской социалистической революции — эмигрант.

⁶ «Чураевы» — роман Г. Гребенщикова. Берлин, 1925.

⁷ С. А. Есенина.

⁸ Хуан Гальердо, герой романа Винсенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок».

⁹ В письме от 17 июля 1926 г. Горький упоминает о самоубийстве писателя А. М. Соболя.

¹⁰ Лев Максимович Клейнбольт (1875—1938) — критик.

¹¹ Альберт Роутс (1882—1953) — английский дирижер, родился в Петербурге; 1910—1919 гг. был дирижером Марининского оперного театра. Неоднократно гастролировал в Советском Союзе и встречался с Горьким.

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

<Сорренто. Конец июля — начало августа, 1926 г.>

Дорогой друг,

прочитал в очередной книге «Кр<асной> нови» «Разина»¹ и снова изумлен, снова с праздником. Человек, который сказал вам: «Да, это новый тип исторического романа», — сказал неоспоримую правду. Так оно и есть, — до «Разина» такой книги в русской литературе не было, «Война и мир» — по типу своему — роман не исторический. А кроме «В<ойны> и м<ира>» — о чем же можно говорить? Я прочитал всех Р. Зотовых, Масальских², Загоскиных, Лажечниковых, Данилевских³ и т. д., читал «Чайковского» Гребенки⁴, даже графа Салиаса⁵ и других Вальтер Скоттов из Калуги и Конотопа, даже исторический роман Софьи Вельтман⁶ читал! И все это, — включая сюда «Князя Серебряного»⁷ — не током не исторично, но даже едва ли литературно.

«Разин» — колоссальное создание истинного художника — под таким титулом эта книга и будет внесена в историю русской литературы. Я — едва ли доживу до этой записи, но вы-то, дорогой человек, наверное, доживете. Мне хотелось бы, чтоб дожили. И — не поверите, как жадно хочется прочитать всю книгу сразу: уже где-то объявлено об ее издании. Вы, сударь, мне первому пошлите ее.

Хорошие, удивительные люди вы, северяне. Есть в памяти сердца и разума моего одно потрясающее, исключительное впечатление, его, пожалуй, можно сравнить с тем, что Глеб Успенский испытал в Лувре, пред Венерой (Г. Успенского — не люблю — очень «умственный» и к тому же истерический, весьма напоминает в миниатюре — неудавшийся шарж на Достоевского)⁸. Моя Венера — Орина Федосова, маленькая, кривоногая старушка, олонеккая «сказительница» былин⁹. Не знаю, рассказывал ли я вам о ней. Она дала мне что-то, чего ни до, ни после ее я не испытывал. Это было в 96 г., ровно 30 лет тому назад. И вот сейчас, читая «Разина», я переживаю почти тот же потрясающий восторг, невыразимое словами волнение и радость за вас, и зависть к вам. Страстно хотел бы, чтобы вы поняли, почувствовали этот мой, вами созданный, праздник и по моей радости еще более укрепили вашу силу художника.

Странно и даже обидно как-то, что вы помните отзывы каких-то Горбачевых¹⁰ — зачем вам? Вот Дивильковский в сумбурной статье своей тоже что-то написал о «Разине»¹¹ — но ведь это же никому не нужно! Бросьте все это, не читайте, не слушайте, не мешайте себе. Берегите себя, будьте здоровы. Крепко обнимаю.

А. Пешков

В «К<расной> нови» понравилось мне стихотворение «Гоголь». Кто это Дружинин?¹² Молодой? Что делает Кляев? Кого из молодых поэтов вы считаете талантливым? Тихонов неплохо написал о стихотворцах¹³. Сердечно приветствую.

А. П.

Датируется по содержанию и письму 14.

¹ В «Красной нови», 1926, № 7, напечатаны главы IX («Чикмаз»), X («Жребий») и XI («Шах и послы») романа «Разин Степан».

² Р. М. Зотов (1795—1871) — автор «Леонида»; К. П. Масальский (1802—1861) — автор «Стрельцов», «Регентства Бирона» и др. — исторические романисты, популярные в тридцатых годах XIX в.

³ Г. П. Данилевский (1829—1890) — автор исторических романов «Мирович», «Соженная Москва», «Черный год».

⁴ Е. П. Гребенка (1812—1848) — украинский писатель, автор исторического романа «Чайковский».

⁵ Е. А. Салиас де Турнемир (1840—1908) — автор исторического романа «Пугачевцы» и др.

⁶ Софья Вельтман (ум. в 1868) — автор исторического романа «Приключение королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой».

⁷ «Князь Серебряный» — исторический роман А. К. Толстого.

⁸ Имеется в виду рассказ Г. Успенского «Выпрямила (отрывок из записок Тяпушкина)». В других своих высказываниях Горький высоко оценивал Г. Успенского как художника, «великолепного наблюдателя деревенской жизни» (статья «Семен Подъячев», т. 24, с. 240), и в статье «Беседы о ремесле» писал: «Я думаю, что на мое отношение к жизни влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков» (т. 25, с. 348).

⁹ Свои впечатления от выступлений известной русской сказительницы и песенницы Орины Федосовой (1831—1899) на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. Горький описал в очерках «На выставке» и «Волленица» (т. 23, с. 188—189, 230—234). См. также «Жизнь Клим Самгина» (т. 19, с. 523—526).

¹⁰ См. письмо 12, прим. 2.

¹¹ А. А. Д и в и л ь к о в с к и й. Натрудном подъеме. — «Новый мир», 1926, № 7.

¹² П. Д. Дружинин (р. 1890) — поэт, в 1926 г. — член литературной группы «Перевал», его стихотворение «Гоголь» напечатано в «Красной нови», 1926, № 7.

¹³ По всей вероятности, Горький имеет в виду стихотворение Н. С. Тихонова «Молодяк» («Летят рубли, вдогонку головы...»), написанное в 1926 г. («Гул земли». Литературно-научный и художественный сборник. Л., «Красная газета», 1928).

14

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 17—VIII—26.

Дорогой Алексей Максимович!

То, что пишете вы, меня радует бесконечно, но я боюсь, что, читая фрагменты моего романа, это вам нравится, а когда соберу в книгу, то первое, яркое впечатление для вас от «Разина» пропадет. Уж, конечно, я вам первому пришлю книгу, а взял ее для издания «Круг»¹. Заключен договор. В «Круге» главным состоит наш общий знакомый А. Н. Тихонов, с которым мы с вами когда-то редактировали II-й пролетарск⟨их⟩ писателей сборник. Я считаю его своим человеком, но пока на мои письма он упорно молчит. Есть здесь у меня драгоценный человек, некто Вас⟨илий⟩ Вас⟨ильевич⟩ Гельмерсен — большой знаток старонемецкого и нового языков². Он, например, прекрасно переводил на немецкий язык Кюлева, чего другие переводчики делать почти не могут. И вот Гельмерсену очень хочется перевести «Разина» современным веку языком на немецкий. Но из Германий всегда один и тот же ответ, что переводчики у нас свои. Можете себе представить, дорогой мой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, как они не переведут, а «переврут» «Разина» без автора. Преимущество Гельмерсена заключается в том, что во всех сомнительных и трудных случаях он будет советоваться со мной, и совместно мы справимся с задачей. А как будут заглазно обходиться заграничные переводчики, это и представить нельзя. Так вот, дорогой мой, очень вас прошу помочь нам и посоветовать какой-либо немецкой издательск⟨ой⟩ фирме издать «Разина» по-немецки по переводу из России, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ от автора. Было бы прекрасно, ибо немцам всегда хотелось знать о Разине не так, как они знают из прежних работ литерат⟨оров⟩ о нем. Если бы такая издательская фирма нашлась и написала нам, то мы бы приступили к переводу романа.

Простите, что так осложняю ваше внимание, но тут не один я!

Еще присылаю вам устав кооперативного издательства «Современник»³, где делают меня редактором беллетристич⟨еского⟩ отдела. И как редактор, в согласии со всеми участвующими писателями и учеными, мы просим вас, если можно:

1) Дать для начала какую-либо из ваших работ (условие о гонораре и прочее напишите).

2) Может быть, пожелаете быть пайщиком кооперативного издательства «Современник». И то напишите нам. В издательстве участвуют

люди, исключительные по своим заслугам. Устав и обращение в гублит прилагаю⁴.

Дорогой Ал(ексей) Макс(имович), вы спрашиваете о Дружинине. Я не знаю его. Это молодой, начинающий? Из поэтов после Есенина я считаю очень талантливым Петра Орешина. Беда лишь в том, что у него туберкулез ушной области, что крайне опасно, и ему пить нельзя, он же пьяница... Но человек, безусловно, ценный и даровитый очень! Поэт Тихонов — умный и серьезный парень. Ключев — захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, нигде, а когда делает вылазки в современность, то это звучит вместо колокольного звона, как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтобы заработать хоть что-нибудь. Теперь он где-то в деревне, но не в Олонецкой, а Новгородской.

Спасибо вам! О критиках вы так сказали, как надо!

Вот тут на днях Виктор Шкловский что-то накукарекал о вас⁵ <...>

Бесконечно рад буду, когда придет время и я смогу послать вам «Разина».

Ваш, любящий вас

А. Чапыгин

¹ «Разин Степан» был издан изд-вом «Круг» в 1926—1927 гг.

² См. письмо 7, прим. 12.

³ Это издательство организовано не было.

⁴ Этих документов в АГ нет.

⁵ В. Шкловский. О Пешкове-Горьком. — «Красная газета» (вечерний выпуск), 1926, № 187, от 13 августа. Вошло в книгу В. Шкловского «Удачи и поражения Максима Горького». Тифлис, Закнбига, 1926. В статье, напечатанной в «Красной газете», Шкловский критикует «Дело Артамоновых».

15

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

<Москва. Начало ноября 1926 г.>

Дорогой мой Алексей Максимович!

Ваши письма всегда *вливают* в меня (банально говорю) уверенность и бодрость, а, главное, нет человека, включая и меня самого, кто бы так внимательно и глубоко вдумывался в то, что я пишу. Теперь, чтоб порадовать вас, ибо вы настаивали, — я закончил роман по замыслу до конца — начал встречей с Ириньцей и кончил ее смертью.

Конспект таков:

- 1) везут (толпа)
- 2) земский двор и пыточные речи Разина, краткий очерк пейзажа Кремля
- 3) атаманы (старшины) у царя — награда царская
- 4) бахарь Вологжанин, песня о соколе-богатыре (народн(ое) мифотворчество о персидск(ой) княжне). Сын Разина
- 5) Ириньца — голова казненного Разина. Смерть Ириньцы. Бахарь и сын Разина.

Кончается краткой датой июня 6, 1671 г.

В ночь, как казнили Разина, пономарь Трошка сорвал кусок приговора со столба и переписывает (отрывок приговора).

Надо еще не залениться (пока бью баклуши); написал лишь краткое воспоминание о Есенине¹, а не заленюсь, то напишу сцены в Москве:

- 1) везут Разина
- 2) земский приказ (двор)
- 3) у Ириньцы
- 4) у царя — награда Корнею Яковлеву и их торжество
- 5) сын Разина, смерть Ириньцы и бахарь Вологжанин.

Сегодня только что явился ко мне представитель нового Берлинского издательства². Их внимание обратила на роман берлинская книжная фирма «Книга». Просят напечатать в их рабочем иллюстр(ированном) журн(але) еженедельном (среда) «Arbeiter Illustrierte Zeitung»³.

О гонораре не сговорились пока, а мое настойчивое требование авторизованного перевода принимают, у меня же есть здесь замечательный переводчик⁴, который переводит даже *Ключева*, с моей помощью он переведет роман, а роман ему очень нравится.

ГОРЬКИЙ В ПРЕЗИДИУМЕ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
6 ИЮНЯ 1929 г., МОСКВА

Рядом с Горьким за столом (слева направо): А. Я. Дорогойченко, И. А. Батрак, А. П. Чапыгин,
А. А. Субботин. Позади Горького А. А. Тверяк

Фотография

Музей Горького, Москва

Как ваше здоровье, дорогой мой? Ничего так не желаю на свете, как то, чтоб судьба дала видиться и говорить с вами!

Ваш А. Чапыгин

Датируется по письмам 16 и 17.

К письму приложена почтовая открытка с репродукцией картины В. Н. Пчелина «Казнь Степана Разина». Рукою Чапыгина к названию картины приписано: «На Болоте», а ниже — следующий текст:

Р а з и н: С паденьем головы удалой
Всему, ты думаешь, конец?
Из каждой капли крови алой
Отважный вырастет боец ...

(из драмы «Степан Разин» Вл. Гиляровского).

¹ Эти воспоминания Чапыгина не обнаружены.

² См. письмо 18, прим. 2.

³ В журнале «Arbeiter Illustrierte Zeitung» за 1927 г. отрывки из романа «Разин Степан» не печатались.

⁴ См. письмо 7, прим. 13, и письмо 14.

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 17—XI—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Что-то нет от вас весточки, а я соскучился, и вот прилагаю при сем письмо последний свой снимок ¹, — он лучше и крупнее первого, он вам напомнит, что надо бы написать мне. Послал я вам, правда, до этого, в письме много нелепостей, но то просил меня переслать вам издатель Некрасов, а именно: устав и просьбу сотрудничать ². Должно быть есть у меня какая-то судьба, которая убирает с моей дороги много мусорного и ненужного. Этот человек с профессорами, без моего согласия, взяли меня в редакторы, а я такой кислый, что не мог их послать к чёрту. Мне не нравилось, а все же разные бумаги я подписал как редактор на разрешение, и, к моему удовольствию — все пока провалилось. Смутило меня и заставило согласиться на редакторство обилие очень заслуженных людей.

Роман, худо ли — хорошо, окончил разгромом в Симбирске — раной Разина и историческим кратким сообщением о дальнейшем... ³

В АГ сохранился лишь первый лист письма, продолжение не обнаружено.

¹ На фотографии, приложенной к письму, надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу на долгую память. А. Ч а п ы г и н» (АГ).

² См. письмо 14.

³ В «Красной нови», 1927, № 12, напечатан сокращенный вариант конца романа «Разин Степан» (без главы «Москва последняя»). Для отдельного издания Чапыгин дописал роман по плану, сообщенному им Горькому в предыдущем письме.

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Сorrento. 24 ноября 1926 г.〉

Дорогой Алексей Павлович, —

немцы, которые предлагают вам продать им «Разина», это «Malik Verlag»? ¹ Если — да, то это, кажется, очень порядочные люди. О «Разине» с ним говорил, по моему поручению, Петр Петрович Крючков, представитель «Междунар<одной> книги» в Берлине, а затем у меня был директор фирмы Эд<уард> Фукс ² и выразил мне свое согласие взять ваш перевод, о чем я вам и писал в письме, которое вы, очевидно, не получили. Думая, что вы человечина не весьма «деловая», я бы посоветовал вам вот что: вышеназванный Крючков в декабре месяце будет в Москве, адрес его вы можете узнать в магазине «Междунар<одная> книга» на Кузнецком у Ивана Пав<ловича> Ладыжникова или Мих<аила> Конст<антиновича> Николаева ³. Крючков, человек безусловно честный, мой приятель, и он может быть очень полезен вам для переговоров с немцами. Он их хорошо знает, и ваши интересы будет отстаивать свирепо. Вот «Разин» же — чем дальше, тем мощнее, и если вы «заленитесь», да не допишете пяти намеченных вами сцен, так это будет преступление. Симбирском книгу нельзя кончать, поверьте мне! ⁴ И как это можно грозить: «заленюсь»? Ведь вы не капризный юноша, которому не совсем ясна огромность задачи, взятой им на себя. Нет, уж вы не шалите. И сын Разина, и Вологжанин-бахарь, это как раз и будут колокола на колокольне, созданной вами.

Я читаю книгу с трепетом и благоговением. Вы, кажется, и сами не ясно сознаете, какое это событие в истории русской литературы, ваш «Разин», а ведь история-то литературы нашей — самое величественное <явление> русской истории, что до сей поры еще не понято и не удивило.

Но, когда-нибудь, люди, похорошев сердцем, удивятся величию словесного искусства России и удивятся пред вами, человеком, который в адских условиях мог создать столь прекрасную и мощную книгу.

Всего доброго, дорогой.

А. Пешков

24.XI — 26. Sorrento.

Эдуард Фукс — автор огромнейших книг — «История правов», «История эротического искусства», «Женщина в карикатуре» и т. д. Зубы у него золотые, руки деловые, мозг — тевтонский.

¹ «Malik Verlag» — прогрессивное издательство, существовавшее в Берлине в 1923—1932 гг.

² Эдуард Фукс (1873—1942) — немецкий ученый-искусствовед и издатель. В 1924—1933 гг. член КПГ, в 1933 г. эмигрировал в США и отошел от политической деятельности. 12—24 октября 1926 г. вел в Сорренто переговоры об издании биографии Горького на немецком языке. Горький в дальнейшем называет следующие книги Э. Фукса: «Die Frau in der Karikatur» (1907), «Erotische Kunst» (1907), «Illustrierte Sittengeschichte» (1909—1912).

³ Михаил Константинович Николаев (1882—1947) — издательский работник, в то время заведовал книжным отделом «Международной книги».

⁴ См. письмо 16, прим. 3.

18

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 9 декабря 1926 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

То, что вы пишете о конце романа «Разин», вы совершенно правы, а что я употребил неподходящее слово (заленюсь), то для этого были причины и вот какие: мне было заявлено редакцией «Красная новь» категорически — «кончать роман к 5-му ноября!» И я кончил! В 18 дней мне пришлось написать 3 печатных листа, а материал был самый упорный, и я, почти не разгибаясь, зудил день и ночь — делал и переделывал, и снова делал, — и устал... Устал, поверите ли, ужасно. Я рассчитывал, что конец допишу для отдельного издания, но вижу, что и того не удастся, ибо завалили корректурами, гонят на перекладных с колокольчиками и по пятам. Сейчас сижу за концом романа, а первый том выходит на днях. Прислали чистовую верстку 1-го тома, и, когда я ее прокорректировал, найдя кучу ошибок, мне ответили, что «это послано вам не для корректуры, а просмотреть распределение глав!» Теперь дом покрыт, только на князьке не выпилены петухи, да не приколочены резные брови ¹, а жить в нем можно... Конец романа я напишу теперь же, пока свеж материал и пока еще мои пыльные заметки по роману в глазах, а печатать конец, может быть, отдельно где-нибудь, и войдет он уже во второе издание, ежели таковое будет.

Спасибо вам за немцев, но это не Эдуард Фукс, не «Malik Verlag», а «Neuer Deutscher Verlag» ². Я запросил с них (ибо письмо ваше пришло позже переговоров), запросил 100 марок печати(ый) лист, с переводом включая.

В один день с вашим ко мне пришло письмо из Германии. Они запрашивают о количестве листов (которых я еще в точности не знаю — писал об этом в Москву). И еще просят прислать им пробный перевод одной главы чтоб судить, каково это будет? Словом, считают у коровы на рогах рубцы — скольких ⟨родила⟩ она телят, чтоб судить о ее годах.

Материал романа журналу для декабрьской книжки достался тяжкий, и я боюсь, чтобы они не выпустили чего-нибудь. В ноябрьской книжке начаты главы: «Лазунка в Москве» (они и половины не напечатали), да послана им «Астрахань—суд—расправа», «У Самарской Луки», «Симбирск» и послесловие, правда, краткое.

«Лазунка в Москве» — там еще сцены — у царя, кабак у моста, смотр царских войск, Ириньца и дьяк, анафема Разину, Лазунка и Шпынь в Наливках.

Спасибо вам, дорогой мой А<лексей> М<аксимович>, что вы так близко принимаете к сердцу мои дела и писанье. Я же буду вам послушен и, развязавшись с корректурой, на днях примусь за конец романа. Надо кончить избу с узорами!

Любящий вас
ваш А. Чапыгин

9—XII—26.

Первый том, как только выйдет, pošлю вам! ³ Будет роман в трех книжках, должно быть листов 30 или около того?

Последнюю послал я вам свою карточку и не ведаю — получили ли?

¹ «Бровь» — карниз (плотницкий термин).

² «Neuer Deutscher Verlag» — берлинское издательство (1924—1930).

³ Книга «Разин Степан», т. 1. М., «Круг», 1926, была послана Горькому с дарственной надписью: «Тому, кто радостно приветствует мои литературные изыскания, на добрую память другу моему Алексею Максимовичу. Примите мой последний труд, дорогой мой А. М., и что худо в нем и что хорошо, еще раз скажите. А. Чапыгин. 4—I—1927» (ЛБГ).

19

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

«Ленинград. 5 февраля 1927 г.»

Думаю теперь, дорогой мой, что вам не в чем упрекать меня, да и сам я вынул из души занозу, т<ак> как недописанное неотвязно стояло в моем воображении, теперь же потухло. Пишу вам с 5 февраля на 6-е, нового 1927 г. Взял сегодня билет в Москву. Завтра еду на две недели: надо пови-
дать людей; там есть кое-кто, кого я люблю, напр<имер> Иван Касаткин ¹ и Новиков-Прибой, и еще актеры IV студии — Бабанин ² и иные. Через две недели вернусь и проживу здесь недели 1¹/₂, уеду в Олонецкую на месяц и, когда осядусь снова здесь, — напишу вам. А, кстати, сегодня сообщили, что II том вышел ³, то pošлю вам перед отъездом в деревню и, возможно, к тому времени выйдет конец. Спасибо вам, дорогой А. М., за поправки ⁴:

чебаки на Дону — лещи, но тут рядом (лещи) в скобках не вычеркнуто.

опорки — оборки (опечатка).

шемайка — на Дону — мелкая рыба и не то, что на Волге (эти сведения от казака некоего Бандалакова, старый мой знакомый. только вижусь с ним редко, ибо сам он был литературный человек, бросил, и теперь его книжный червь гложет, брызжит!) Мухи. правильно вы пишете, и «ларь с сараем», и «пуки камыша» — не ладно все это, правильно, надо исправить.

Критике трудно приходится с моей книгой, — ей надо будет ползать по всем там путям и дорогам, многим и многим, чтобы дойти <от> начала и <до> конца, а критика, особенно наша, привыкла вальт с плеча или по заказу от редакции: «Этого хвали! Того облюй хорошенько!», но с моей книгой она в большинстве поступает просто: «Надо читать со словарем», «Тяжело и грубо написано!». Ну и чёрт с ними.

Как ваше здоровье, дорогой мой? Вы всё же подумайте о главном капитале — здоровье, и не швыряйтесь. Побездельничайте хоть немного.

Ваш А. Чапыгин

Ответ на письмо Горького от 15 января 1927 г. (т. 30, № 845).

ГОРЬКИЙ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, Москва, 6 июня 1929 г.

Музей Горького, Москва

¹ Иван Михайлович Касаткин (1880—1940) — советский писатель.

² Константин Михайлович Бабанин (р. 1886) — актер, состоял в труппе МХАТа в 1906—1924 гг. В соавторстве с К. М. Бабаниным Чапыгин написал пьесу (по роману «Ракин Степан») «Атаман Солейного бунта» (М., «Федерация», 1931). Эта пьеса была послана Чапыгиным Горькому в ноябре 1933 г.

³ Второй том «Ракина Степана» вышел в изд-ве «Круг» в марте 1927 г.

⁴ В письме от 15 января 1927 г. Горький писал: «Разрешите указать на несколько опусок, мною замеченных:

На стр. 79 — „Чебаки, леши“ и сноска под страницей: „Леши“. Выходит: „Леши, леши“. В низовьях Волги чебаком иногда зовут сазана.

105 — „Шемайка“ — рыба не мелкая, „шемая“ или „рыбец“. Курт крупнее сельди.

108 — „пукое камыша“ — неладное слово „пук“ камыша.

122 — „от ларей ларь с сараем“ — непонятно и трудно читается.

125 — „мухи всех сортов“ — не в тоне языка.

157 — „завязал опорки“ — не оборы ли?» (т. 30, с. 8—9).

20

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 1—4—27.

Дорогой Алексей Максимович!

Присылаю вам I том «Степана»¹. Мне А. Н. Тихонов написал коллективное мнение «Круга» о романе, что де «много песнопений и пиров», предлагая урезать середину и дописать конец с казнью. А так как казнь я считаю делом банальным, то, как вам известно по моему конспекту, — я отвергнул их предложение. Написал им, как я хотел и хочу дописать конец романа. Но они не отвечают. Поеду на днях в Москву и выясню. Конец допишу. Материал собран.

Ваш А. Чапыгин

¹ См. письмо 19, прим. 3.

21

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. Июль — август 1927 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Что-то давненько не имею от вас вестей¹, милый, и соскучился!

Первое — послали ли вам из «Круга» II и III тт.² «Ракина» — мне казалось, что упаковывали, а потому — послали?

Книга вся разошлась. Продал Госиздату Собрание сочинений, и II-е издание «Ракина» будет у них³ — прилагаю при сем письме опечатки II и III тт.

Прошу вас написать, каково в целом, в книге, кажется вам? Посылаю вам с Григорием Петниковым его перевода книгу: «Молодая Германия XX в. Поэзия»⁴. Напишите также об ней свое мнение. Я уезжаю на две недели в Новгород, хочу посмотреть осколки старины (в Новгороде есть у меня друзья), потом вернусь и поживу еще и уеду недели через две глядеть Русь — поеду опять на Волгу.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень вас прошу написать в Москву кому-либо из власть имущих о Клюеве, — его заклевали, и он бедствует, а между прочим, поэт крупный и человек незаурядный — пусть ему как-нибудь помогут. Не печатают его, и живет он по-собачьи. Жаль будет, если изведется!

Я ничего не пишу, и в голову ничто не лезет — начну с осени, а и то сказать: не дети плачут.

Ваш А. Ч а п ы г и н

Датируется по содержанию.

первый том романа «Жизнь Клима Самгина» и приступил к работе над вторым томом.

〈Ленинград, 30 июля 1930 г.〉

Ваш А. Ч а п ы г и н

30 VII — 30.

⁴ Впоследствии роман был назван «Гуляющие люди».

〈Ленинград.〉 1—X—30.

42 Литературное наследство, т. 70

Но не за тем я посылаю вам мой портрет, чтоб напомнить, что я уж старый чёрт, а потому что хочу получить от вас вашу фотографию, которой не имел и не имею, кроме олеографий, сделанных с вас, а пора мне ее, эту фотографию, иметь — вы ведь знаете, что я люблю вас!

Вот и всё. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чапыгин

¹ Леопольд Августович *Дитрих* (1877—1954) — советский скульптор.

На обороте снимка барельефного портрета надпись рукою Горького: «Алексей Павлович Чапыгин. Работа Лео Дитриха».

24

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 12—VIII—31.

Дорогой Алексей Максимович!

Присылаю вам II том «Моей жизни» ¹ (книга не поправлена, ошибок много — не взывайте!). III т. наполовину написан мной (6 листов), но две редакции отказались его печатать, а в третью не понес и бросил это занятие. Все говорят — не актуально и субъективно написано, а я писал и думал, что это будет лучшая из книг, непохожая на 1-ю и 2-ю. В ней я (в III части) проводил сюжет большого рассказа о зверином быте мастеровых дореволюционного периода — рассказ прерывается вставками личных ощущений на почве голода, иногда с уходом в бредовую сторону (научно обоснованная голодная фантастика), но это не подошло.

Требуется актуальное, которое теперь растет и заливаает сплошной скукой, искусство. Я смотрю на это новое (квази)искусство и думаю: недостаточно быть актуальным, нужно кроме этого иметь что-то свое, ибо у большинства пишущих нет ни лица, ни рельефного слова! Но такое вам виднее, чем мне. Будучи редактором некоторых изданий, я получал от старых коммунистов работы чисто мещанские от недостатка чувства и техники.

Не удалось повидаться с вами ², о чем крайне сожалею — ФОСПы³ поспорили, и я не попал вас встретить, хотя и был выбран в комиссию (встречать вас).

Напишите мне хотя бы с укоризной о моей 2-й книге жизни. Буду рад! До сентября (половины) уеду на родину: Вологодская губ., Няндомский округ, Федовская п/ст., деревня Большой угол.

Ваш А. Чапыгин

¹ А. П. Чапыгин. По тропам и дорогам. Гослитиздат, 1931, с дарственной надписью: «Дорогому А. М. Горькому на память с почтением и неизменной любовью. А. Чапыгин. 12/VIII—31».

² 14 мая 1931 г. Горький приехал из Сорренто в Москву.

³ ФОСП — Федерация объединений советских писателей.

25

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 5 июня 1933 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Должно быть я большой неудачник, как ни соберусь к вам, всё вы, хороший мой, недужите ¹. Говорю искренне, очень я соскучился о вас! Мне ничего не нужно, и не буду я вам докучать никакими глупыми просьбами, что когда-то делал, — так как люди всегда ноют, и я равнодушно не могу переносить их нытья.

Хотел лично засвидетельствовать вам о «Климе Самгине» свое восхищение. Наконец-то удалось добыть все три книги, а то читал в отрывках.

Со времени начала революции с таким увлечением не читал ничего, как «Самгина».

Сцена с детьми у Варавки² может поспорить с толстовскими «Детством» и «Отрочеством».

А Гапон, историю которого я знал от рабочих и, кроме того, читал о нем много раз, — Гапон вами дан совершенно с новой стороны. Также Ходынка и Девятое января. Так много любопытного и, вместе с тем, ведь это любопытное я знал, и людей, как будто, тех многих знавал, вроде Инокова, Дронова. И эта недавняя повседневность — у вас — истинное искусство — у иного была бы история житейского хаоса.

Есть в романе места, которые я сужу индивидуально, — другому это не покажется так: от огромного знания материала, от умения вами дать кратко и ярко второстепенную фигуру — фон, иногда этот фон выступает на первый план, но это мне только кажется. Еще одна мелочь, придирка с моей стороны, но для меня она на краткий миг нарушает грандиозное целое — это говор колес³.

Поезд, очень хорошо он у вас говорит, и все же много раз в стихах и прозе многие пытались это изобразить. Это, повторяю, мелочи. В целом, все это интересно и увлекательно, а о Марине хотелось бы знать дальше.

Все это меня радует — это удивительное, это искусство.

Видел и «Егора Булычова»⁴, думаю, что современным драмоделам тут надо поучиться — живая, яркая жизнь, и революция чувствуется изнутри. Примите, дорогой мой, неумудрое восхищение мое перед вашим мастерством и берегите себя для литературы, а также и для нас, тех, кто искренне любит вас!

А. Ч а п ы г и н

5—VI—33.

Я тшусь написать новый роман XVII в. второй половины, а назову его юридическ<им> термином того времени: «Гулящие люди»⁵.

Материал большой и противоречивый. С одной стороны — бунтари, с другой — мракобесы.

¹ 19 мая 1933 г. Горький приехал в Москву. Чапыгин, который в конце мая также был в Москве, пытался с ним увидеться, но встреча не состоялась из-за болезни Горького.

² См. т. 19, с. 35—36.

³ См. т. 21, с. 203.

⁴ Чапыгин видел пьесу Горького «Егор Булычов и другие» в постановке Ленинградского Большого драматического театра (премьера состоялась 25 сентября 1932 г.).

⁵ Отрывок из романа «Гулящие люди» под названием «Учеба» был напечатан в «Литературном Ленинграде», 1933, №№ 24, 25. Первая часть романа — «Раскольников» — публиковалась в «Литературном современнике», 1934, №№ 9—12. Отдельное издание — Л., ГИХЛ, 1935.

<Горки. 16 июня 1933 г.>

Очень сожалею, что не видел вас, дорогой мой тезка, но случилось так, что тотчас по приезде заболел гриппом, а затем началось воспаление легких, и даже был момент, когда мне показалось: собираюсь помирать. Было два таких момента. Умереть — не сумел, а двадцать дней пребывал полнейшим инвалидом, — это хуже всякой болезни! Теперь,

вот, «оклемался», вчера выехал под Москву, на дачу, где и намерен приступить за работу.

Тронут высокой — думаю: незаслуженно высокой — оценкой вашей «Самгина», мне очень приятно знать, что вы, большой, оригинальнейший художник, так ласково отнеслись к этой тяжелой и трудной книге.

Рад узнать, что вами начата работа о «гулящих людях», интересная тема и, как это видишь по «Разину», хорошо знакомый вам материал. Нетерпеливо буду ждать книгу. «Разина» недавно снова читал, прекрасная вещь!

Был в Константинополе, видел Айя Софию¹. Это воистину величественное здание, самое величественное из всех, какие видел я. Все, что было читано и слышано о храме этом, чудесно простом и мудром, ни мало не портит его. Работает в нем американец, говорящий по-русски, расчищает фрески и мозаику², отчистил уже портрет Юстиниана. Очень хотелось остаться в Константинополе дня два-три, чтоб еще разок побывать в Софии, посидеть там.

Будете ли вы в Москве еще раз? Известите заранее. Мне нужно будет посетить Ленинград, но когда я соберусь — не представляю. Сердце у меня шалит, очень устало.

Жму руку вашу. А. Пешков

16.VI.33.

¹ 16 мая 1933 г. Горький по пути из Италии в Советский Союз посетил Стамбул.

² Томас Вумтемор — археолог и историк искусства (см. его книгу «The mosaics of St. Sophia et Istanbul», I — II. Oxford, 1933—1936).

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

<Ленинград.> 24.VI—33.

Дорогой Алексей Максимович!

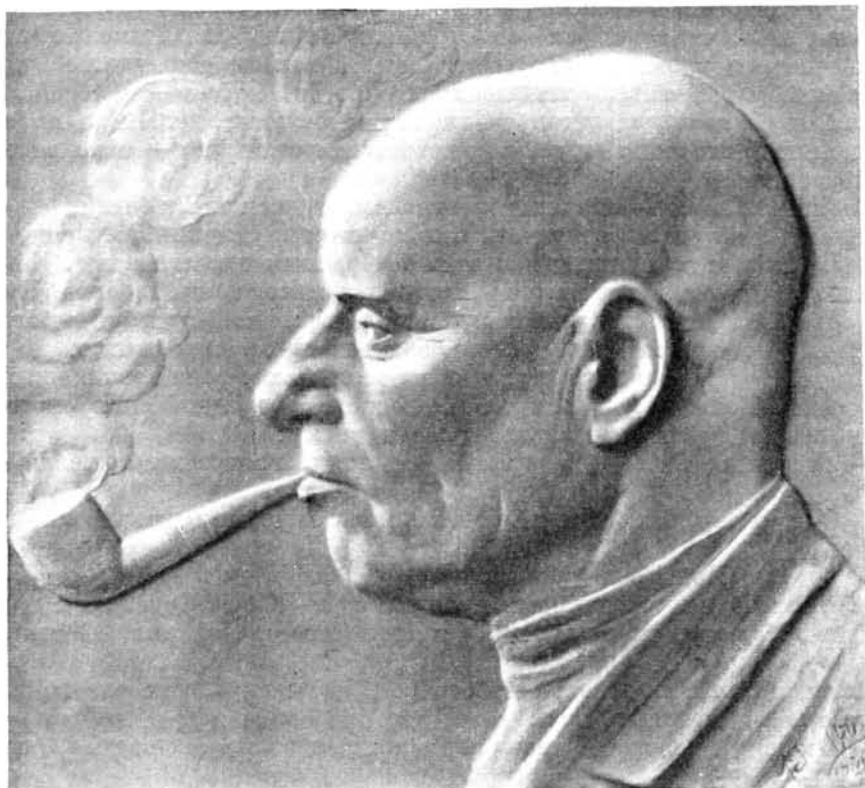
Большое спасибо за ваше милое письмо и известие о своем здоровье.

Я крепкий физически *индивид* и, кроме того, изрядно тренирован на работах с кровельщиками. С погодой не считались, лазали по крышам и вешались¹ во всякую погоду. До 60 лет (когда бывал в деревне) купался зимой — по льду в воду из бани. И все же, когда настает перемена холода на тепло, когда одно гниет, другое расцветает и пойдут кругом глетьворные сквозняки, я простужаюсь.

А вы из теплых стран пожаловали в «село боярина Кучки»², не выждав недели две-три. Я поехал повидать вас в Москву от холода — думал, еду в тепло! и попал в худший холод и еще на дождь, — чего у нас здесь не было.

Медицина и вообще наука делает чудеса, но до сих пор не научилась разрушить оболочку коховской палочки. Пока не научатся снимать с этой — живучей — дряни чехол, до тех пор будет по Шекспиру: «брось свои лекарства собакам...».

Сложнейшие аппараты изобретены, и нет ни одного, который бы безболезненно, легко удалял слизь из бронхов, чтоб она не пробиралась в легкие и не покрывала бы их пленкой. Когда все это случается с легкими, то какую же гигантскую работу приходится вести сердцу и немудрено, что оно ослабевает. Впрочем, всё это вы знаете лучше меня. Одно страшно, что такой большой человек и незаменимый художник слова мог бы исчезнуть!

Алексей Павлович
Чайгин.

Работы

Лео Дитриха.

А. П. ЧАПУГИН

Фотография с барельефа работы Л. А. Дитриха, 1930 г.

На обороте надпись Горького: «Алексей Павлович Чапугин. Работа Лео Дитриха»

Архив Горького, Москва

Ведь следовало вам посидеть в этой дивной постройке (кажется, если не ошибаюсь, что св. София — постройка VI или VIII в.? имена мастеров ее неизвестны кроме двух? ³⁾ Посидеть бы вам не день-два, а неделю, и попали бы в Москву в теплые дни. Свят^ая София — я о ней много мечтал, и реально видел только клочки ее мозаики, сделанные на эскизах моими приятелями, и то, как говорили они, тайно — явно рисовать не позволяли.

Св^ятая София — страница пышной мистической Византии, где одна из цариц была девственница, и только из принуждения, для виду имела мужа, ибо не позволялось царицам безбрачным царствовать ⁴⁾. Ей подражали отдаленно наши царевны, дочери Алексея Михайловича. Византия, отразившаяся в уродливом зеркале допетровской Руси. «Домострой»: женщина — сосуд сатаны. Даже рубаху ночную, доходившую до пят, она не имела права распоясывать, и на этом диком фоне возникали и дикие сцены. Иван IV убил сына Ивана из-за беременной снохи, которая летом лежала у себя в светлице. Иван вошел:

— Беспоясая баба! — Ударил ее по лицу, но тут же вошел и сын, сказал:

— Одну жену, батюшка, ты угнал в монастырь, другую, что ли, убить хочешь?

И ударил Иван оскепом сына ⁵⁾.

А. Толстой не мог не знать правды, но в «Князе Серебряном», чтоб обвинить Малюту, исказил историческую правду, за ним и Репин наврал.

Когда я был мальчиком — на севере у нас свекрови не раз кидались с ухватом на молодых снох:

— Беспоясая еретица! ишь ты и котыни свои, как ведьма, растрепала.

Простите, дорогой А^лексей М^аксимович, обрадовался я поговорить с вами хоть письменно и лишнего наболтал!

Теперь скажу вам о моей работе.

1) Два года, как я избран писателями в депутаты Смольнинского райсовета ⁶⁾, и вот уж два года мелю на этой мельнице (пленумы, обследования, бюро).

2) Полгода тому назад Оргкомитет писателей направил меня на завод «Электросила», там я веду лит^ературный кружок ⁷⁾. До меня было в нем *трое*. Работали до меня молодые писатели, «но сухая ложка рот дерет» — делали они так, как наши мужики говорят: Издали глядеть — везет! а близко глянeshь, только в оглоблях шатается.

Теперь в нашем кружке 25 человек, и еще просятся. Ребята есть талантливые. Считаю долгом, — мне помогали, надо вернуть долг!

Есть люди, давно и охотно их печатают. Меня они считают своим учителем, а я, дорогой мой А^лексей М^аксимович, многому учился только у вас. С В. Г. Короленкой, по существу, в деталях мы почти не работали.

Вы в моем воображении, как тот скифский царь, который сказал: «Кто истинный скиф, пусть принесет мне стрелу!»

Из медных наконечников многих и многих стрел скифский царь отлил амфору — она своим объемом вмещала сотню греческих амфор ⁸⁾.

Так я принес вам свою стрелу, но и другие принесли, — и дело русской литературы, моего времени, — ваше большое дело, помимо ваших собственных произведений.

Вот теперь мой ученик и земляк М. Черноков написал первую часть своего романа «Книжники» ⁹⁾, тема, затронутая до него мало, написано любопытно, ярко и серьезно. Пишет вторую часть. Для вас он как-то подобрал книжку философа Александрийца, сделанного епископом, когда

он еще не покончил с язычеством¹⁰. Тот, что написал похвалу «плеши-вости», кажется, по времени живший 200 л<ет> после Р. Х. В то время наступали на Грецию не то готы, или гунны, хорошо не помню. Не знал, куда вам эту книжку послать (кажется, хотел передать лично), но я в Ленинграде вас не повидал, и он не пошел.

Кроме работ по беллетристике, я еще много раз участвовал в коллективном творчестве, мало знакомом нам, — это кинофильмы. Мною написаны тексты к фильмам «Златые горы» и «Солдатский сын»¹¹.

Кроме всего этого, я еще член Пушкинского общества по охране памятников. Итак — на мою историческую работу остается мало времени, но с осени хочу засесть только за нее — эпопея большая — от начала раскола и до стрелецкого бунта. Написаны только первые главы — из них: «Тайный кабак» и «Иверский монастырь» — отрывками я дал в журнал, их напечатали¹²; а мне после того попали «Акты Иверского монастыря»¹³, и увидал я, что о монастырях — всё надо перевернуть, сделать снова. Хочу сделать так, чтоб историки не придирались, как к моему приятелю Алекс<ею> Ник<олаевичу> Толстому. В I части «Петра» он сделал описку: «Мужики были в нетях». В «нетях» были только воинские люди, кто обязан был быть на гос<ударственную> службу — «конно, оружно и людно». Мужики были в бегах. И я на вечере¹⁴ защищал А<лексея> Н<иколаевича>, так как у него много всяких завистников.

Дорогой мой А<лексей> М<аксимович>, вы пишете о «Самгине», что это тяжелая книга, а я ее читал с таким же интересом и нетерпением, как и «Войну и мир», «Мадам Бовари», «Таис».

Критерий мой состоит в том, что мне хочется читать и знать, а бывает много книг, блестяще написанных, и их читать не хочется. Второй признак: я до сих пор ясно вижу некоторые сцены, например — Марину, окончившую свой экстаз богородицы, как она, голая, вышла к Самгину, встала с ним рядом у зеркала, и он почувствовал, что он серый, тусклый, а она яркая и властная. Его рефлекс, неизбежный для всякого интеллигента, поразивший Клима бессильно. Похороны Туробоева, парня с разорванной на боку рубахой — «Вороти, Митрюха, или дам в ухо!»¹⁵.

Пишет о романе Вальбе¹⁶ и не плохо пишет, он мне кое-что читал, не все им угадано в романе, но доброжелательно и серьезно написано.

Утомил я вас, дорогой А<лексей> М<аксимович>, будьте здоровы.

Ваш А. Чапыгин

ВВ. Боюсь, что раньше осени не попаду в Москву. Надо увезти старуху — мать моей жены — с женой в деревню.

¹ «Вешались» — т. е. подвешивались в люльке при установке вывесок.

² В летописях XII в. упоминается о полулегендарном суздальском тысяцком боярине Кучке, владевшем «красными селами», на месте которых выросла Москва.

³ Храм построен в 532—560 гг. архитекторами Анфимием из Траллеса и Исидором Милетским.

⁴ Речь идет о византийской императрице Феодоре, правившей с 1054 по 1056 г.

⁵ Оскеп — посох с острым наконечником. Подлинные обстоятельства убийства Иваном IV его сына неизвестны. Чапыгин следует одной из самых распространенных версий (так называемый «рассказ Посеевина»), А. К. Толстой делает царевича Ивана жертвой наветов Малюты Скуратова.

⁶ Чапыгин избирался депутатом Смольнинского райсовета Ленинграда с 1931 по 1937 г.

⁷ Этим кружком Чапыгин руководил в 1932—1934 гг.

⁸ Легенда, впервые приведенная Геродотом.

⁹ М. В. Черников. Книжники. Л., Госиздат, 1934.

¹⁰ По-видимому речь идет о книге А. А. Остроумова «Синезий, епископ Птолемаидский». М., 1879.

¹¹ «Златые горы» (1932), «Солдатский сын» (1934) — кинофильмы, выпущенные студией Межрабпомфильм.

¹² См. письмо 25, прим. 3.

¹³ Иверский монастырь основан в 1653 г. патриархом Никоном. Акты Иверского монастыря опубликованы в кн.: «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. IV. СПб., 1842.

¹⁴ Обсуждение первого тома романа «Петр I» состоялось 22 мая 1933 г. в Рабочем литературном университете при Ленинградском оргкомитете писателей.

¹⁵ См. т. 21, с. 18—29.

¹⁶ Б. С. В а л ь б е. О «Климе Самгине». Исторические основы горьковских «Сорока лет». — «Октябрь», 1933, №№ 1, 2; «О „Климе Самгине“». — «Лит. учеба», 1933, №№ 6—7.

28

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

(Ленинград. 27 мая 1934 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Только вы можете писать, читать и углубляться в литературу... При таком несчастье я бы не мог ¹.

Бесконечно благодарен вам за ваше милое и неизменно внимательное отношение к моему писанию. Спасибо вам за указания!

Вам достался дубликат, в оригинале, мне кажется, сделал примечания. Если не сделал где, то непременно исправлю! ²

Хабар — по словарю, издан(ие) Акад(емии) наук, русско-славянского³ — следующее слово: *прибыль*, *прибыток*. *Хабарно* — *прибыльно*, *прибыточно* (помета — народное).

Грузинское: хабарда.

Персидское: хабардор — берегись! (крик перевозчиков и переносчиков тяжестей).

Стрекава — крапива — по историку Князькову ⁴. Наше северное — стрекнуло углем (горячим), отскочило, обожгло — и крапива жжет.

Пить табак — объяснено в тексте: «рог бычий, на верхнем конце дымилась трубка, в середине хлюпала вода», но дело в том, что в конце, где описан кабак в Коломне, сказано без примечаний (стали пить табак). В этом во всем вы совершенно правы.

Что в языке нашем много чужих слов, об этом что и говорить. Когда я писал «Гориславича», то нашел в летописях киевских много болгарских и греческих слов, чего нет в летописях Тверской и Софийской Новгородской.

Что мой Сенька орудует шестом ⁵, да еще в подклете, где толком и разогнуться нельзя — это, конечно, я допустить не мог, так как почти каждую сцену, пиша, вижу. Из шестопера моя жена Надежда Михайловна сделала шест. Я пропустил, и в оригинале надо исправить.

Кабацкие ярыги будут впереди, вашим советом, большое вам спасибо, дорогой А(лексей) М(аксимович), я не пренебрегу ⁶, ведь не даром же мои герои отправились в Москву с ватагой нищих. Ой, много еще работы с этой гулью и гилью! Хватит ли выдержки, но хочу сделать размером с «Раина».

Насчет Петра, «что он от фольклора взял свое шутейшее действо», вы, по-моему, глубоко правы. Царь Алексей держал вверху пять или шесть старцев, они ему вечерами стихи калачьи пели и сказки сказывали, и о стародавнем былины играли. На царицыной половине «дураки и дурки» потехи делали глумотворные, царевичи и царевны бывали тут же. «Шутки, — говорит Забелин, — часто были и неприличные, но никто не обижался» ⁷. Что Петр Алексеевич мальчиком случался с сестрами и глумам смеялся — кто может в этом сомневаться? а что он дела отца любил и его чтил, то вот пример:

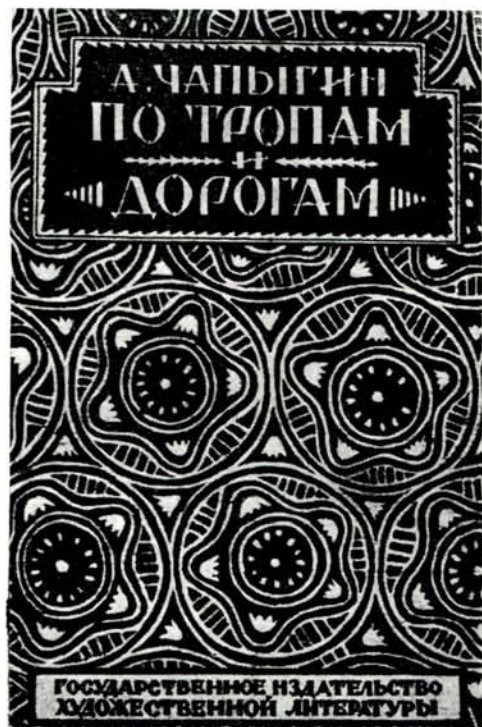
«На пиру государь разговаривал о делах отца своего, бывших в Польше. Граф Мусин-Пушкин стал дела отца его величества уничтожать, а его хвалить. Государь так огорчился, что, встав от стола, сказал:

— Ты хулою дел отца моего, а лицемерною мне похвалою более меня бранишь, нежели я терпеть могу!»

Дергал шеей и ногу волочил.

Человек Петр был с безумием, что и говорить! Очевидец рассказывает: «Боялся тараканов и, ежели куда ехал, то вперед посылались гонцы осмотреть избы, где остановиться можно, чтоб не было тараканов, и если таковой избы не находили, тогда строили новую избы».

Официальных столов во дворце не делал, обедал вдвоем или много втроем с близкими — со столовой рядом помещалась поварня, кушанье

Дорогому
А. М. Горькому
на память
с почтением
и неизменной
любовью.
А. Чапыгин
12-VIII-31.
Библиотека "Гасель 2-я"

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ
«ПО ТРОПАМ И ДОРОГАМ» (М.— Л., 1931):

«Дорогому А. М. Горькому на память с почтением и неизменной любовью
А. Чапыгин. 12—VIII—31. „Жизнь моя“, часть 2-я»

Личная библиотека Горького

подавали в окно. После обеда, летом, уезжал спать на Неву на яхту, и кругом стоял караул, чтоб не ездили мимо».

Некоторые романисты, например Тынянов⁸, приписывают Петру сифилис, а болен он был «каменной болезнью» (камни в почке). Вероятно, наследственное от деда Михаила, умер от отека — «ножками скорбел». Алексей Михайлович тоже рано умер и также был достаточно отечный.

Подражая отцу, который, идя на богомолье, покупал пряники и бублики, о Петре очевидец говорит:

«Ходил по гостиному двору, торговал товары и не преминет кренделей купить и квасу выпить».

От мучительной болезни частые бывали припадки и вспышки гнева беспричинные, граничащие с сумасшествием. Да и то сказать — много в нем сидело от жестокостей XVII в.

Летом (говорит очевидец) носил черный бархатный картуз, а зимой калмыцкую баранью шапку.

Между тем Петра часто, или чаще всего, изображают в шляпе. По свидетельству Корба, Петр пьяный на пиру так ударил Лефорта в грудь, что тот слег и вскоре умер. О смерти Лефорта он много горевал. Может быть, в пьяном виде Петру кинулась в голову обида — первый любовник Анны Монс был Лефорт. Эту путаную крошку (такой был сорт табаку) Петр, отвлекаясь с другими женщинами, почти до своей смерти любил.

Простите, что болтаю много того, что вам хорошо известно, но вышал предлог поговорить с вами, и я рад тому.

Дорогой Алексей Максимович! Спасибо вам за все указания и особенно за то место, где мой Сенька в тесном подкlete орудует шестом. Ведь я бы не заметил, а корректору все равно, например, печатают: динамит — вместо диамант, а корректор не видит.

Будьте здоровы, дорогой мой А<лексей> М<аксимович>.

Я жду, когда вами будет окончен «Самгин», — очень любопытно. Сама вещь замечательная — о том недавнем прошлом еще никто не написал ничего столь красочного, — я до сих пор помню парня с разорванным боком пиджака на похоронах приятеля Алины⁹, фигуру Гапона, Марину и сектантов, чюганку, о которой маленькая дочка говорит: «она сегодня не в голосе»¹⁰.

Ваш А. Чапыгин

27—V—34 г.

NB. Петру было на что злиться: за год до смерти сильно «недужил», а тут под боком воры!

Матрена (урожденная Монс) подсунула Екатерине Первой любовника красавца-камергера, казненного Петром. (Голова в банке со спиртом хранилась вместе с головой Марии Гамильтон до Екатерины II.)

Меньшиков Алексашка воровал, да и Матрена Монс брала взятки, обдывая грязные дела, и куча других воров, через Екатерину I спасенных от кары Петра.

Вся интимная жизнь Петра — сплошной обман. Анна Монс 10 лет обманывала его, Евдокия завела любовника, Екатерина тоже, а Мария Гамильтон ради Орлова воровала у царицы драгоценности, и все это, дознанное досконально, преподносилось Петру. От последнего казуса с Екатериной I Петр в гневе разбил кулаком зеркало. Сплошной кошмар!

А. Ч.

¹ 11 мая 1934 г. умер сын Горького М. А. Пешков. В письме от 19 мая 1934 г. Горький писал Чапыгину: «Дорогой Алексей Павлович, только сегодня собрался написать вам о „Гулящих людях“, хотя рукопись давно уже прочитана мною. Прочитана с великим интересом и радостью: книга будет хорошая и — надолго» (т. 30, с. 346). Далее Горький делает ряд критических замечаний.

² Горький указал на необходимость пояснить незнакомые читателю слова.

³ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, тт. I—IV. СПб., 1847. Изд. 2. 1858—1861.

⁴ С. А. Князьков (1873—1920) — автор книг по истории России XVI—XVIII вв. Сведения о Петре I, которые приводит ниже Чапыгин, почерпнуты им в основном из книг Князькова («Очерки из истории Петра Великого и его времени». М., 1909; «Петр Великий и его современники за границей». Пг., 1915; «Санкт-Петербург и Санкт-петербургское общество при Петре Великом». СПб., 1914) и Корба. См. письмо 7, прим. 2.

⁵ «На 67 стр., — писал Горький Чапыгину в упомянутом письме от 19 мая 1934 г., — человек сунул руку с шестом в пасть медведя, а медведь продолжал кусать руку — это очень трудно представить» (т. 30, с. 347).

⁶ В том же письме Горький заметил, что Чапыгин упустил «хороший случай показать кабацких ярыжек с их кощунственными забавами — пародиями на обедню, на отпевание пьяных, как „усопших“, и высказал мысль, что идею „Всешутейшего собора“ Петр I позаимствовал у ярыжек.

⁷ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. СПб., 1862.

⁸ Ю. Тынянов. Восковая персона. Л., 1930.

⁹ См. т. 21, с. 18—19.

¹⁰ См. т. 19, с. 34—35.

29

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 10 IX 34.

Дорогой Алексей Максимович!

Прошу вас прочесть стихи моего земляка, по-моему, талантливого поэта Александра Чуркина ¹.

Желаю вам здоровья и бодрости на многие годы.

А. Чапыгин

¹ Александр Дмитриевич Чуркин (р. 1903) — поэт-песенник. Вместе с этим письмом Чапыгин переслал Горькому письмо Чуркина и несколько его стихотворений.

30

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 18 марта 1935 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо на моем юбилее ¹ было и есть для меня великим праздником!

Вы мой любимый учитель, больше всех давший мне понимания истинного творчества:

«... только такими путями приходят к созданию великих произведений, как мадам Бовари»... ²

Так или в этом роде когда-то с Капри писали вы мне, и я этого до сих пор не забыл.

Спасибо вам за драгоценный дар — ваш привет!

Много лет вам желаю быть здоровым и сохранным для нас всех и всей нашей литературы, равно любимой вами и мной также.

Ваш А. Чапыгин

18—III—35.

¹ Письмо-приветствие по поводу 35-летия литературной деятельности Чапыгина (т. 30, № 1152). 13 февраля 1935 г. письмо было послано Горьким А. Н. Толстому, для того чтобы оно было прочитано на юбилейном вечере, состоявшемся в Ленинграде 17 марта 1935 г.

² См. письмо 2.

31

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. Апрель-май 1935 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Задумано было у нас большое культурное дело: издание «Полиграфической энциклопедии».

В этом деле прошу я вас оказать нам помощь. О полиграфической энциклопедии вы и сами писали ¹, приветствуя, считая ее делом своевременным и необходимым, заслуживающим широкого внимания советской общественности. Но дело с тех пор, со дня вашего приветствия полиграфической энциклопедии и до сих пор, не двинулось никуда! Между тем проделана огромнейшая предварительная работа, создан

«Словник»² и т. д., — построен фундамент, на котором давно надо бы начать строить.

Думаю я, что издание энциклопедии надо бы взять издательству Академии наук совместно с издательством «Советской энциклопедии». Без Академии наук обойтись нельзя, так как в числе ее учреждений имеется Институт книги, письма и документы со специальным отделом по энциклопедиям.

Вы, дорогой мой, теперь директор ИРЛИ³, и вам ближе всего издательство Академии наук.

Второе: все мы болеем за советскую книгу. Книги оформляются плохо! Надо улучшить книгу — вернее, изыскать путь к ее улучшению. Для этого вопрос нужно изучить и сделать конкретные выводы. А потому наш Областной отдел Союза советских работников решил обратиться в центр с ходатайством о создании в Ленинграде специального исследовательского института⁴ (прилагаем вам проект этого ходатайства).

От всей души прошу вас поддержать это наше начинание.

В Москве с этой целью будет один из работников и начинателей этого дела, литератор Пенчковский Н. Н.⁵ Очень желательно, чтоб вы приняли его, и он ознакомит вас со всеми деталями полиграфической энциклопедии).

А. Чапыгин

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмом 32.

¹ Статьи или письма, где Горький писал о полиграфической энциклопедии, обнаружить не удалось.

² «Полиграфическая энциклопедия». Словник. Л., 1933.

³ 24 марта 1935 г. на сессии Академии наук СССР Горький был избран директором Института русской литературы (Пушкинский дом).

⁴ Такой институт создан не был.

⁵ Н. Н. Пенчковский — в те годы сотрудник Ленинградского отделения Всесоюзного научного инженерно-технического общества полиграфистов и работников издательств.

32

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

⟨Горки. Июнь, до 19-го, 1935 г.⟩

Дорогой Алексей Павлович —

прочитав вторую часть «Гулящих людей», я получил впечатление: черновик, набросанный поспешно и небрежно.

Впечатление это внушается преобладанием материала речевого, диалогического в ущерб материалу вещному, описательному, изобразительному, — я неуклюже выразился, но вы поймете, о чем я говорю. Подавляющее преобладание диалога над изображением — создает в 1-й и 2-й главах ненужные длинноты и способно утомить читателя. Прибавьте сюда, что речевой язык ваш трудноват, а местами вызывает спорные мыслишки. Так, например, моча — «ирина» едва ли правильно, ибо Ирина — в просторечии: Орина — имя святой, а моча — в старой литературе — «урина», отсюда «урильник». Не сердитесь, что «подчеркиваю мелочи», в нашем деле мелочей нет, все важно.

Первые две главы сильно растянуты, но — не дают ясного представления о «гулящих людях», о «народе», о причинах медного бунта. В 3-й главе исчезли «кабацкие ярыжки», их провокационная роль, не удовлетворяет и обедня ярыжек. В общем же, не понравилась мне вторая часть повести, уверен, что она требует серьезнейшей работы. Сожалею, что не могу сказать ничего более утешительного для вас, да и для себя, ибо вы знаете, как глубоко волнует меня ваша работа¹.

Печатается по неподписанному черновику, сохранившемуся в личном архиве Горького. Датируется по письму 33.

¹ На заглавных страницах рукописи «Гулящих людей» Горький сделал следующие замечания.

На листе первой тетради:

«Бегичев — медленно идет. Это нужно, чтоб показать, как, чем торговала Москва — Бегичева сократить.

Моча — прина, неубедительно, убедительнее — урина, откуда — и урильник.

Длинно. Преобладает диалог — почти совершенно исключая описание, изображение».

ВЯЧ.ШИШКОВ

УГРЮМ РЕКА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОТ ИЗД.
ЛЕНГИХА
1933

Дорогой
Алексей Максимовичу
Горькому,
когда-то направлявшему
мои первые шаги в литературу
(1916 г.) — с чувством
искренней благодарности
Вяч. Шишков
11. XII 33.
Детское Село,
Московская 7.

ЦАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. Я. ШИШКОВА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «УГРЮМ-РЕКА»
(Л., 1933):

«Дорогому Алексею Максимовичу Горькому, когда-то направлявшему мои первые шаги в литературе (1916 г.) — с чувством искренней благодарности. Вяч. Шишков. 11/XII 33. Детское Село, Московская 7»

Личная библиотека Горького

На листе второй тетради:

«Диалогичность очень вредно отзывалась на материале. Описания так скупы, что можно забыть, где и когда все это происходит. На стр. 36 — пожар, точно из газетного фельетона. Утомляет пристрастие к забытым словам. Люди — без жестов, без дел. Соплей много!»

На обложке третьей тетради:

«Ярыжки?» (АГ).

Дорогой Алексей Максимович!

Работа моя, конечно, нехорошая, но моя ошибка, что дал вам не полную часть II-ю, еще больше, не надо было до окончания всей части давать.

Не извиняюсь за плохую работу — плоховатость — моя усталость — юбилей, а после бесконечные приглашения выступать — я же работаю по

ночам, и договор — к сроку дать некое количество листов. О работе: вы правы, что похождения Бегичева длинные. Второе — монолога много — тоже правда, пейзажи есть, но они кратки, тонут в монологах.

Город, больших описаний давать побаиваюсь — за достоверность (недоверие, как ты это знаешь?). Бегичева — урежу.

Ко II части недописано 5 листов, а ярыги еще будут. У Ключевского о ярыгах не нашел¹. Есть «Праздник ярыг кабацких» Адриановой-Перетц² и Прижов «История кабаков»³ у него есть. Ярыги — слово широкое.

Калита, по Савваитову⁴, — кожаная *сумка*. У вас поправлено: *кошель*. По Далю, калита — сумка, кошель, зепь (карман), у Савваитова дано больше — удельные князья завещали «пояс чеканный — с калитой».

Орина — слово народное, местное, у меня говорят бояре. Ирина — сестра Бориса Годунова и вообще *Ирина* часто.

С любовью к вам, с пожеланием быть здоровым

ваш А. Чапыгин

Спасибо за советы и труд ваш! Постараюсь дальше сделать лучше. Уеду в деревню — отдохну.

¹ В письме Чапыгину от 19 мая 1934 г. Горький писал: «А о ярыжках Ключевский так замечательно рассказывал, как будто сам был глумцом XVII века» (т. 30, с. 347). В. О. Ключевский писал о ярыгах в книгах: «Западное влияние в России XVII в. (историко-психологический очерк)». М., 1897, и «История общественного и частного быта». М., 1867.

² В. П. Адрианова-Перетц. Праздник кабацких ярыжек. Пародия — сатира второй половины XVII века. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

³ И. Г. Прижов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868.

⁴ См. письмо 7, прим. 8.